ИЗОБРАЖЕНІЕ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

1812-го года.

Сочиненіе **Барклая де-Толли.**

Кромѣ того, рескрипты, письма и другіе документы, относящіеся до 1812 г., а также выписка изъ письма купца Чиликина о пребываніи французовъ въ Москвѣ.

Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12
1912.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

1812-го года.

Сочиненіе Барклая де-Толли.

Кромѣ того, рескрипты, письма и другіе документы, относящіеся до 1812 г., а также выписка изъ письма купца Чиликина о пребываніи французовъ въ Москвѣ.

Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12
1912.

Предлагаемые ниже матеріалы о 12-мъ годѣ печатаются здѣсь въ сыромъ видѣ, безъ обработки, безъ всякихъ комментаріевъ и нужныхъ примѣчаній. Причиной тому служитъ, во-первыхъ, неимѣніе у меня времени заняться изслѣдованіемъ вопроса по поводу этой рукописи о 12-мъ годѣ; во-вторыхъ, вопросомъ этимъ я никогда не занимался и мало интересовался литературой о немъ.

Наконецъ, теперь, при наступленіи торжественнаго юбилея 12-го года, уже нѣтъ возможности снабдить эту рукопись нужными комментаріями, обставить ее прилично. Къ тому же я былъ вполнѣ увѣренъ, что все, относящееся до 12-го года, уже изслѣдовано и обнародовано. Будучи занятъ другимъ литературнымъ трудомъ, я не могъ заняться моей рукописью. Но, въ виду наступленія 12-го года, я вспомнилъ о ней и раньше, чѣмъ печатать, далъ ее на просмотръ компетентныхъ лицъ. Эти лица нашли въ ней очень много интереснаго и цѣннаго и даже такія свѣдѣнія изъ архивовъ, которыя совершенно недоступны изслѣдователямъ. Въ виду этого я рѣшаюсь отпечатать мою рукопись. Вотъ причина, что она является въ печати.

Что касается до „исторіи“ самой рукописи, то вотъ что я о ней знаю. Рукопись эта, въ числѣ другихъ бумагъ, досталась мнѣ по наслѣдству отъ моего отца (доктора Андрея Андреевича Гастфрейндъ, род. въ 1811 г., † 1 ноября 1891 г.). Имѣя обширный кругъ знакомыхъ и огромную медицинскую практику въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, мой отецъ могъ получить эту рукопись или отъ своего знакомаго,

или отъ паціента. Въ 60-хъ годахъ XIX вѣка я отлично помню, что эта рукопись была уже у моего отца, такъ какъ онъ мнѣ ее показывалъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о происхожденіи этой рукописи.

Николай Гастфрейндъ.

Изображеніе военныхъ дѣйствій первой Арміи въ 1812 году.

Первоначальное намѣреніе непріятеля и главный предметъ его усилій состояли въ отдаленіи Армій другъ отъ друга и проложеніи чрезъ то себѣ прямого пути въ нѣдра Россіи.

Для уничтоженія сихъ замысловъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволили утвердить слѣдующее предначертаніе.

Причины, побудившія идти по лѣвому берегу Двины.

Первая Армія должна была слѣдовать изъ Дриссы противъ теченія Двины для предупрежденія непріятеля въ Витебскѣ, также между Двиною и Днѣпромъ для удобнѣйшаго соединенія со второю Арміею. Первые переходы Арміи до Полоцка прикрывались корпусомъ генерала Дохтурова, ставшаго въ разстояніи отъ Двины, занятой его авангардомъ. Мое намѣреніе было занять лагерь при Полоцкѣ. Тогда могъ-бы я удобнѣе наблюдать за движеніями непріятеля и подкрѣплять Графа Витгенштейна, имѣя въ своемъ расположеніи дороги къ Ревелю и Себежу, откуда получалъ я продовольствіе.

По направленіи непріятельскихъ силъ на Витебскъ, должно было ускорить слѣдованіе къ сему городу.

Но вскорѣ по прибытіи въ Полоцкъ увидѣлъ я, что большая часть непріятельской Арміи въ полномъ маршѣ слѣдовала со всѣхъ сторонъ на Витебскъ. Не должно было терять ни минуты для предупрежденія непріятеля въ семъ важномъ пунктѣ; усиленными переходами Армія достигла до сей цѣли—послѣдствія происшествія

сего доказали, что если-бы мы пришли въ Витебскъ 12 часами позже, то сіе мѣсто было-бы уже занято непріятелемъ, соединеніе обѣихъ армій сдѣлалось-бы невозможнымъ, какъ и защищеніе открытой Московской дороги, главнаго предмета непріятельскихъ усилій.

Сраженіе при Витебскѣ 13, 14 и 15-го іюля, достиженіе цѣли сихъ сраженій.

Упорныя и славныя сраженія, выдержанныя войсками ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА 13, 14 и 15-го при Витебскѣ, тогда-же были доведены до свѣдѣнія ВАШЕГО; избѣжать сихъ сраженій было невозможно; они были неминуемы по неприбытію еще всего 6-го корпуса. Сей корпусъ прикрывалъ пространное слѣдованіе артиллерійскихъ парковъ, понтоновъ, обозовъ съ припасами и больными, направляющихся съ разныхъ мѣстъ чрезъ Великія Луки къ Торопцу и чрезъ Городокъ къ Суражу.

Причины, побудившія сражаться при Витебскѣ 15-го числа.

Мое намѣреніе было сражаться при Витебскѣ, и я могъ оное предпринять, ибо: 1-ое, непріятель не собралъ еще всѣхъ своихъ силъ, онъ единственно имѣлъ въ своемъ расположеніи 3-й корпусъ подъ начальствомъ маршала Нея, 4-й подъ начальствомъ Вице-Короля Итальянскаго, часть 1-го, находящагося около Сѣннаго, два кавалерійскіе корпуса подъ начальствомъ Короля Неаполитанскаго и гвардію; 2-ое, потому, что храбрость и мужество, оказанныя Арміею въ сраженіяхъ 13 и 14 чиселъ, были для меня вѣрнымъ ручательствомъ въ пріобрѣтеніи побѣды и 3-е, потому, что я чрезъ оное достигнулъ-бы важной цѣли, обращая на сію точку вниманіе непріятеля, останавливая его и доставляя тѣмъ Князю Багратіону удобность приближаться къ первой Арміи.

Причины, побудившія отказаться отъ намѣренія сражаться подъ Витебскомъ и внезапно отступать къ Смоленску.

Генераламъ были сообщены надлежащія наставленія, и все было въ ожиданіи происшествія слѣдующаго дня. Но въ ночь съ 14-го на 15-е получилъ я отъ Князя Багратіона извѣстіе о неудачномъ нападеніи его на Могилевъ. Онъ сообщалъ мнѣ, что былъ принужденъ принять болѣе вправо и лишиться на-

дежды соединиться съ 1-ою Арміею, что маршалъ Даву сосредоточилъ всѣ свои силы въ Могилевѣ; онъ съ прискорбіемъ признавался мнѣ также, что ни онъ, ни я не могли предупредить Даву въ занятіи Могилева.

Въ сихъ обстоятельствахъ неприлично было сражаться подъ Витебскомъ[1]), если бы, между тѣмъ, маршалъ Даву занялъ Смоленскъ, военныя происшествія приняли тогда видъ весьма затруднительный; я пожертвовалъ-бы безъ всякой пользы 10-ю или 25.000 человѣкъ, не имѣя способа, даже по одержаніи побѣды, преслѣдовать непріятеля, ибо, занявъ Смоленскъ, Даву пошелъ-бы въ тылъ 1-й Арміи; если-бы я рѣшился на него напасть, Наполеонъ послѣдовалъ-бы за мною, и я былъ-бы окруженъ[2]). Единственное мое отступленіе, даже послѣ побѣды, направилось-бы чрезъ Суражъ къ Велижу и, слѣдовательно, все отдалялось-бы отъ 2-ой Арміи. По всѣмъ симъ соображеннымъ причинамъ рѣшился я немедленно слѣдовать къ Смоленску. Всѣ артиллерійскіе обозы и резервная артиллерія, отправленныя въ Суражъ, получили повелѣніе идти къ Порѣчью; Смоленскому Губернатору и Дворянскому Предводителю поручено было попеченіе о продовольствіи Арміи.

Армія выступаетъ къ Смоленску въ виду непріятеля.

Для исполненія сего отступленія по возможности въ лучшемъ порядкѣ, дабы непріятель не могъ слѣдовать непосредственно за мною, рѣшился я твердо противустать его арміи до полудня и показывать видъ приготовленія къ вступленію въ сраженіе. Вслѣдствіе чего предполагалъ я, что непріятель займется 15-го

---

[1]) Ибо самая побѣда содѣлалась-бы безполезною.

[2]) Надо быть совершенно неученымъ, чтобы видѣть гибель во внутреннемъ положеніи своей Арміи, положеніе, которое всякій великій генералъ старается занять, какъ Суворовъ на Требіи, Бонапартъ въ Кастиліонѣ и пр.

Примѣчаніе Г. Давыдова.

числа одними рекогносцировками и аванпостными сшибками, оставляя позади себя всю свою силу; сіе намѣреніе исполнилось превосходно. Я усилилъ авангардъ и предписалъ ему противиться съ упорностью. Авангардъ съ разсвѣта вступилъ въ дѣло и защищалъ отъ непріятеля каждый шагъ, почему выстроилъ я Армію въ боевомъ порядкѣ и отрядилъ кавалерію впередъ съ большею частью егерей. Первая представляла на высотахъ впереди Арміи нѣкоторымъ образомъ ограду, послѣдняя-же занимала отчасти городъ и пространство поля между Арміею и авангардомъ; Армія частью своего лѣваго крыла исполнила движеніе влѣво, какъ будто намѣревалась обойти правый флангъ непріятеля, принужденнаго чрезъ то нѣсколько остановиться для отряженія вправо части 2-ой своей линіи. Между тѣмъ Армія выступила тремя колоннами, аріергардъ, подкрѣпляемый егерями, двинувшимися впередъ, удерживалъ непріятеля до вечера; отступивъ, пошелъ чрезъ городъ и около онаго соединился съ кавалеріею, оставленною ему въ помощь и раздѣленною на три части въ видѣ аріергардовъ за каждою колонною; первая находилась подъ командою генералъ-маіора Корфа, а третья подъ командою генералъ-маіора Графа Палена, сей послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріятелемъ. Въ семъ случаѣ взято у непріятеля нѣсколько плѣнныхъ изъ его гвардейскихъ егерей.

Такимъ образомъ, исполнилось, въ виду предпріимчиваго непріятеля, одно изъ опаснѣйшихъ и труднѣйшихъ движеній, въ устройствѣ, рѣдко случающемся въ простыхъ воинскихъ маневрахъ въ мирное время.

Соединеніе обѣихъ Армій при Смоленскѣ.

Я поручилъ генералу Винценгероде начальство надъ войсками, собранными между Порѣчьемъ и Духовщиной, состоящими изъ одного драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ. Онъ обязанъ былъ прикрывать съ сими войсками дорогу къ Духовщинѣ и Бѣлой,

освободить Велижской уѣздъ отъ набѣговъ непріятеля и наблюдать за нимъ въ Порѣчьѣ, Суражѣ и Витебскѣ.

1-ое) 19-го числа 5-й и 6-й корпуса прибыли въ Смоленскъ по Рудненской дорогѣ, прочія войска 1-ой Арміи прибыли 21-го числа и стали лагеремъ на правомъ берегу Днѣпра.

2-ое) 20-го числа генералъ Платовъ прибылъ съ легкими войсками въ окрестности Инокова и вошелъ въ сообщеніе съ Арміею.

3-е) 23-го 2-я Армія пришла къ Смоленску и заняла позицію на лѣвомъ берегу Днѣпра, заграждая дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ.

Послѣ Могилевскаго дѣла Князь Багратіонъ нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля. Онъ воспользовался сею ошибкою онаго для слѣдованія къ Смоленску усиленными переходами. Можетъ быть содѣйствовало также къ сему скорому движенію желаніе предупредить меня въ занятіи сего города; причиною сего обстоятельства могло быть одно изъ моихъ писемъ, въ коемъ замѣтилъ я, что по направленію, принятому 2-ою Арміею, нельзя надѣяться на соединеніе и что, слѣдственно, 1-ая Армія находится въ необходимости противиться одна соединеннымъ силамъ непріятельскимъ; посему поспѣшилъ я прибыть въ Смоленскъ, надѣясь, что ничто не представитъ уже ему препятствій къ приближенію къ 1-й Арміи.

Сіе соединеніе значительно разстроило предположенное Наполеономъ дѣйствіе, оно нанесло ему чувствительный ударъ.

Итакъ, столь желанное соединеніе обѣихъ Армій совершилось, вопреки всѣмъ противнымъ оному предпріятіямъ непріятеля, и лестныя надежды Наполеона исчезли; оно принудило его соединить всѣ свои силы между Двиною и Днѣпромъ, оставить маршалу Удиноту (?) собственные его способы, и сіе было причиною, что сей послѣдній былъ разбитъ, что предварительные виды Наполеона на Лифляндію, Псковъ и Новгородъ были обмануты и что 5-й корпусъ, назначенный съ Австрійцами къ слѣдованію за Княземъ Багратіономъ

и занятію позиціи между Припятью и Днѣпромъ, былъ ближе подвинутъ для замѣны въ Могилевѣ корпуса Даву, присоединеннаго Наполеономъ къ главной Арміи.

Сіе соединеніе содѣлывается источникомъ затруднительнаго положенія Главнокомандующаго.

Никогда разсчеты Наполеона не были столь совершенно предупреждены, но никогда также Главнокомандующій какой-либо Арміи не находился въ столь непріятнѣйшемъ положеніи, какъ я. Въ сіе время два Главнокомандующіе двухъ соединенныхъ Армій равно зависили отъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и равно уполномочены были властью, принадлежащею къ сему сану; каждый имѣлъ право непосредственно доносить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и располагать по своему мнѣнію ввѣренною Арміею. Я имѣлъ особенное право, въ качествѣ Военнаго Министра, объявлять ВЫСОЧАЙШУЮ волю ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА [1]), но въ дѣлахъ столь важныхъ, въ дѣлахъ, отъ коихъ зависѣла участь всей Россіи, я не дерзалъ употребить сего права безъ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія.

Итакъ, для приведенія соединенныхъ Армій къ дѣйствіямъ, по возможности согласнымъ и стремящимся къ одной цѣли, мнѣ надлежало все употребить, дабы установить между мною и Княземъ всевозможное единогласіе, ибо изъ предыдущей нашей переписки о медленности дѣйствій произошло уже нѣкоторое неудовольствіе. Я долженъ былъ льстить его самолюбію и уступать ему въ разныхъ случаяхъ противъ собственнаго своего удостовѣренія, дабы произвести съ большимъ успѣхомъ важнѣйшія; словомъ, мнѣ слѣдовало исполнить обязанность для меня непонятную и совершенно противную характеру и чувствамъ моимъ. Несмотря на то, думалъ я, что въ полной мѣрѣ достигъ своей цѣли; но впослѣдствіи удостовѣрили

---

[1]) О чемъ-же охать? вотъ что значитъ слабость характера.

Примѣчаніе Г. Давыдова.

меня въ противномъ, ибо духъ происковъ и пристрастія скоро открылся; обидныя сужденія и неблагопристойные слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ, также воспріяли свое начало присоединеніе Арміи. Въ сіе самое время ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился въ Армію изъ Москвы. Ко всему оному должно еще присовокупить особъ, принадлежащихъ къ главной квартирѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Для начертанія ВАМЪ, ВСЕМИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ! слабаго изображенія всего происходившаго въ то время упомяну только о нѣкоторыхъ главныхъ лицахъ, находящихся въ Смоленской Главной Квартирѣ, изъ коихъ каждое въ особенности побуждаемо было къ осужденію всего.

Герцогъ Виртембергскій, генералъ Бенигсенъ, Корсаковъ, Армфельдъ имѣли между Адъютантами ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и въ обѣихъ Арміяхъ приверженцевъ, распространяющихъ все, что доходило до ихъ свѣдѣнія, я скажу болѣе. Самъ Начальникъ моего Главнаго Штаба, человѣкъ съ достоинствами, но ложный и интригантъ, единственно изъ лести къ нѣкоторымъ вышесказаннымъ особамъ, къ Его Императорскому Высочеству, Князю Багратіону совершенно согласовался съ общимъ поведеніемъ. Что-жъ до меня въ особенности, я и Канцеляріи мои были безпрестанно утомляемы людьми, преданными симъ лицемѣрамъ, алчущими узнать предполагаемыя предпріятія. Вскорѣ по исторженіи ими какого нибудь свѣдѣнія, по ихъ мнѣнію новаго, сообщали отъ себя вымышленные разсказы иногда всенародно на улицѣ; слѣдовательно, не мало неудивительно, что непріятель былъ обо всемъ извѣстенъ. Для прекращенія нѣкоторымъ образомъ сего неудобства, употребилъ я все, что отъ меня зависѣло. Я удалилъ особъ, поспѣшающихъ все развѣдывать и распространять, а именно нѣкоторыхъ Адъютантовъ ВАШЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Князя Любомирскаго, Графа Браницкаго, Владека и многихъ другихъ. Чрезъ сіе, безъ сомнѣнія, не доставилъ я себѣ друзей между ближними, окружающими ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, я желалъ бы также имѣть право отправить нѣкоторыхъ особъ высшаго званія.

Расположеніе непріятеля.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельская Армія была расположена слѣдующимъ образомъ: Вице-Король Итальянскій между Суражемъ и Порѣчьемъ съ 4-мъ корпусомъ и 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ. Суражъ и Велижъ были заняты непріятелемъ, Король Неаполитанскій стоялъ между Руднею и Лешной съ 2-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а позади его въ подкрѣпленіе маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ, вправо отъ Рудни, между Березиной и Днѣпромъ, находился генералъ Монбрюнъ съ 3-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а позади его, между Любовичъ и Дубровной, маршалъ Даву съ цѣлымъ 1-мъ корпусомъ; утверждали, что самъ Наполеонъ съ гвардіею находится еще въ Витебскѣ.

Предположеніе дѣйствій къ нападенію.

Нападеніе могло исполниться прежде на Короля Неаполитанскаго и маршала Нея, находящихся въ Руднѣ, но если-бъ они отступили къ Любовичамъ и Бобиновичамъ безъ сопротивленія, мы не могли бы преслѣдовать непріятеля, ибо неудобно было бы отдалиться отъ Смоленска болѣе, нежели на три перехода; въ противномъ случаѣ Вице - Король Итальянскій имѣлъ бы время и способъ ударить намъ въ тылъ со стороны Порѣчья; итакъ, я принялъ приличнѣйшее, по моему мнѣнію, рѣшеніе, оставляя 2-ю Армію въ Смоленскѣ для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія Московской дороги, подъ покровительствомъ цѣпи передовыхъ постовъ, коимъ надлежало усугубить свою прилежность, предпринялъ я совершеніе слѣдующаго движенія съ 1-ою Арміею.

Армія, расположенная между Молеинскими (?) и хол-

момъ по дорогѣ къ Порѣчью, напала бы съ превосходствомъ по лѣвому своему крылу на Вице-Короля Итальянскаго и опрокинула бы его. По обезпеченіи такимъ образомъ праваго моего фланга, еслибъ весь край между Суражемъ и Велижемъ освободился отъ непріятеля и былъ занятъ г. Винценгероде, обѣ Арміи подступили бы къ Руднѣ и ударили на непріятеля соединенными силами; еслибы, между тѣмъ, непріятель приближался отъ Рудни къ Смоленску, 1-ая Армія для предупрежденія его присоединилась бы къ 2-ой однимъ переходомъ.

По рѣшенію совѣщанія избрано прямое дѣйствіе къ Руднѣ.

Я предложилъ сіе мнѣніе въ совѣщаніе, къ коему приглашены были ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ, Князь Багратіонъ, начальники штабовъ и генералъ-квартирмейстеры обѣихъ Армій. Общимъ мнѣніемъ рѣшено было двинуться отъ Смоленска прямо къ Руднѣ, поставить передъ Смоленскомъ сильный отрядъ пѣхоты съ нѣсколькими казачьими полками. Я согласился на сіе рѣшеніе, потому что оно принято было общимъ мнѣніемъ, но съ условіемъ отнюдь не отходить отъ Смоленска болѣе трехъ переходовъ, ибо быстрымъ наступательнымъ движеніемъ Армія была бы приведена въ затруднительнѣйшее положеніе, всѣ выгоды, полученныя съ столь великимъ трудомъ, исчезли бы для насъ. Я при семъ замѣтилъ, что мы имѣли дѣло съ предпріимчивымъ полководцемъ, который не упустилъ бы случая обойти своего противника и тѣмъ исторгнуть побѣду. 26-го іюля выступили обѣ Арміи къ Руднѣ. По донесеніямъ передовыхъ постовъ непріятель отступалъ; но притомъ получено также извѣстіе, что Вице-Король Итальянскій находился въ Порѣчьѣ съ 4-мъ корпусомъ и 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ и подкрѣпился кирасирскою дивизіею, подъ начальствомъ Графа де-Фринея. Въ таковыхъ обстоятельствахъ не могъ я стремиться за непріятелемъ и подвергнуть Армію обходу оной съ

праваго фланга. Я рѣшился, во-первыхъ, привести въ дѣйствіе вышесказанное намѣреніе для освобожденія праваго своего фланга. Я предложилъ Князю Багратіону стать со своею арміею въ Выдрѣ, гдѣ позиція была выгоднѣе Смоленской и откуда могъ онъ удобнѣе наблюдать за непріятелемъ и подкрѣпить свои аванпосты, будучи при томъ ближе къ 1-ой Арміи и отряду ея въ Красномъ. Въ славномъ кавалерійскомъ дѣлѣ 27-го числа нашелся на квартирѣ генерала Себастіана дневной приказъ, удостовѣрявшій насъ, что непріятель извѣстился о намѣреніи нашемъ и отступалъ съ умысломъ.

Причины, воспретившія исполненіе сего дѣйствія.

Въ Петербургѣ было много разговоровъ и сужденій о семъ происшествіи, въ особенности же Князь Багратіонъ и его приверженцы во многомъ меня обвиняли. За нѣсколько времени предъ тѣмъ, когда слѣдовало имъ напасть и принудить къ отступленію голову непріятельскихъ силъ, заградившихъ имъ путь, не напали они на него. Нынѣ же, не страшась какой-либо отвѣтственности, говорили они единственно о нападеніи. Поведеніе мое подъ Витебскомъ доказываетъ, что я не страшился ударить на непріятеля; я то исполнилъ, что слѣдовало исполнить Багратіону. Я устремился на голову непріятельской колонны и удерживалъ ее доколѣ достигъ мѣста, предположеннаго къ занятію. Я также ударилъ бы на непріятеля въ Руднѣ, еслибъ онъ тамъ остался, ибо могъ надѣяться уничтожить часть его Арміи до соединенія еще всѣхъ его силъ. Общее же сраженіе за Руднею, въ окрестностяхъ Любовичей и Бабиновичей, ни къ чему бы не послужило, еслибъ мѣсто сраженія за нами осталось; оно причинило бы намъ потерю въ людяхъ, коихъ не скоро можно было замѣнить, потому что резервы наши были частію отдалены, частію еще не устроены; напротивъ того, непріятель имѣлъ позади себя и на флангахъ корпуса, могущіе вскорѣ его под-

крѣпить; но еслибъ мы были разбиты и непріятель ударилъ намъ во флангъ со стороны Порѣчья и въ тылъ [1]), не знаю, во что оборотилась бы тогда Армія и самая Россія? Участь Имперіи зависѣла отъ сохраненія Арміи, мнѣ ввѣренной, доколѣ не было еще другой для замѣны оной. Въ таковыхъ обстоятельствахъ изъ одного ложнаго стремленія къ славѣ предавать судьбу Имперіи власти слѣпого рока не значило ли измѣнить отечеству? Нужны ли мечтанія о славныхъ маршахъ тогда, когда цѣль войны—истребленіе непріятеля, поработившаго Европу? Сія цѣль не могла быть иначе достигнута, какъ продолженіемъ войны подъ Витебскомъ. Намѣревался я и непремѣнно бы сражался, ибо могъ чрезъ то достигнуть предположеннаго предмета. Я утомлялъ и удерживалъ непріятеля и доставилъ чрезъ то Князю Багратіону время безъ препятствій идти къ Смоленску.

28-го войска 1-ой Арміи прибыли въ мѣста, изъ коихъ слѣдовало исполнить дѣйствіе на лѣвый флангъ непріятеля; 2-ая Армія осталась въ Выдрѣ; авангардъ ея въ Смоленскѣ и Иноковѣ, а 27 дивизія съ нѣкоторою кавалеріею въ Красномъ.

29-го войска, назначенныя къ дѣйствію на Порѣчье, выступили впередъ, непріятель отступалъ по Витебской дорогѣ до Трубинова; генералы Винценгероде и Красновъ преслѣдовали его.

30-го непріятель направился къ Комышкамъ, а оттуда на Рудненскую дорогу; генералъ Винценгероде переправился черезъ Двину и наступалъ вдоль по правому берегу, къ Витебску; Красновъ занялъ мѣсто между Двиною и Кольниками и слѣдовалъ за движеніями непріятеля; чрезъ плѣнныхъ получено свѣдѣніе о выступленіи Наполеона съ гвардіею его изъ Витебска въ Любовичи.

---

[1]) Зачѣмъ же было идти атаковать.

Примѣчаніе Г. Давыдова.

Непріятель сосредоточиваетъ всѣ свои силы въ окрестностяхъ Рудни и Любовичей, полагаютъ, что онъ съ сей стороны учинитъ нападеніе.

31-го слѣдовано за движеніями непріятеля и все удостовѣрило, что онъ собралъ всю силу свою за Руднею, въ Любовичахъ, Бабиновичахъ и Дубровнѣ. Я полагалъ, что онъ вознамѣрится съ сей стороны насъ атаковать въ надеждѣ, можетъ быть, отрѣзать часть 1-ой Арміи, распространившейся до Порѣчья.

Для предупрежденія сего замысла непріятельскаго, рѣшился я соединить обѣ Арміи въ позиціи при Воловкѣ, какъ одной изъ выгоднѣйшихъ между найденными нами въ теченіе всего похода, и ожидать въ оной сраженія.

2-го августа обѣ Арміи прибыли въ сію позицію. Желательно было, чтобъ непріятель насъ въ оной атаковалъ, ибо всѣ выгоды были съ нашей стороны.

Непріятель переправляется со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра и нападаетъ на Смоленскъ.

На 3-е получено свѣдѣніе, что непріятель со всѣми силами переправился на лѣвый берегъ Днѣпра, онъ стѣснилъ генерала Невѣровскаго, принужденнаго къ отступленію въ Смоленскъ съ претерпѣніемъ значительнаго урона и 9 орудій.

4-го непріятель остановилъ генерала Раевскаго при Смоленскѣ, въ тотъ же день прибыли обѣ Арміи на правый берегъ Днѣпра.

5-го на разсвѣтѣ является Наполеонъ предъ Смоленскомъ съ соединенною своею силою, состоящею изъ 150,000 человѣкъ, подкрѣпившись 5-мъ корпусомъ князя Понятовскаго, пришедшимъ изъ Могилева.

Цѣль непріятельскаго движенія сего.

Намѣреніе Наполеона было очевидно; симъ неожиданнымъ движеніемъ отдѣлялъ онъ насъ отъ Арміи генерала Тормасова, отъ всѣхъ южныхъ губерній Россіи и даже отъ Москвы. При всякой медленности къ лишенію его сихъ выгодъ пользовался онъ временемъ, дабы распространяться до Днѣпра и тѣмъ предупредить насъ въ переправѣ Днѣпра подъ симъ городомъ. Каковы были бы впечатлѣнія и страхъ, произведенные извѣстіемъ о сихъ происшествіяхъ въ Москвѣ и Южныхъ губерніяхъ? Болѣе всего должно было заботиться объ Украинѣ и Малороссіи.

Вслѣдствіе сего было рѣшено, что 2-ая Армія выступитъ, въ ночь съ 4-го на 5-ое, по дорогѣ Дорогобужской, что 1-ая Армія будетъ прикрывать сей маршъ, производимый противъ лѣваго фланга непріятеля. Она должна была удерживать онаго до достиженія 2-ой Арміею Соловьевой переправы на Днѣпрѣ; часть 1-ой Арміи должна была потомъ слѣдовать по той же дорогѣ, Князю Горчакову слѣдовало занять съ сильнымъ аріергардомъ пункты при Гедеоновѣ и Заболотьѣ до прибытія 1-ой Арміи.

Польза, принесенная непріятелю симъ движеніемъ, у него исторгнута.

Знаменитыя сраженія, выдержанныя 1-ою Арміею 5-го и 7-го августа въ Смоленскѣ, извѣстны по моимъ донесеніямъ. Непріятель былъ остановленъ, и 2-ая Армія столь удачно прикрыта, что не лишилась ни одного человѣка. По достиженіи надлежащей цѣли сихъ сраженій, развалины Смоленска были оставлены непріятелю. Армія 7-го числа слѣдовала въ двухъ колоннахъ по Дорогобужской дорогѣ.

Оставленіе Смоленска.

Отдача Смоленска дала пищу къ обвиненію меня моими непріятелями. Слухи, неблагопристойнѣйшаго сочиненія, исполненные ненависти противъ меня, распространились и особенно людьми, находившимися въ отдаленіи и небывшими свидѣтелями сего событія.

Для доказательства противорѣчія ихъ сужденій, безъ сомнѣнія, воспріявшаго свое начало единственно изъ самолюбія ихъ умствователей, упомяну только о слѣдующемъ: 2-го августа предписалъ я обѣимъ Арміямъ занять позицію при Волоковѣ, потому что была единственна во всѣхъ окрестностяхъ, гдѣ бы можно было ожидать съ выгодою непріятельскаго нападенія; сіе дѣйствіе почли слишкомъ подверженнымъ случайности; говорили, что я подвергаю всю Армію большой опасности, поставляя ее противу соединенныхъ силъ непріятеля; нынѣ же, когда 2-ая Армія была отдѣлена отъ 1-ой, требовали, чтобы я съ 75,000 противился 150,000. 3-го числа всѣ изступленныя нападе-

нія непріятеля дѣйствительно были отражаемы нашими войсками; но сей день стоилъ болѣе 4,000 убитыми и ранеными и 2-хъ генераловъ.

Еслибъ я намѣревался долѣе удерживать за собою городъ, то слѣдовало бы мнѣ смѣнить войска подъ Смоленскомъ, бывшія 5-го числа въ теченіе 24 часовъ въ безпрерывномъ огнѣ, остаткомъ Арміи, то-есть отборною частію оной, находящейся въ резервѣ и сберегаемою для общаго сраженія. Надлежало также подвергнуть ихъ потерѣ нѣсколькихъ тысячъ людей и въ труднѣйшемъ случаѣ, нежели какъ 5-го августа, ибо непріятель занялъ высоты, изъ коихъ фланкировалъ Днѣпровскій мостъ и тѣмъ пресѣкалъ Арміи даже сообщеніе съ городомъ. Но, положивъ, что я бы удержалъ городъ 6-го. Непріятелю слѣдовало только переправиться черезъ Днѣпръ ниже Смоленска съ частію своей Арміи и угрожать правому моему флангу, дабы принудить меня къ выводу войскъ изъ города, и тогда оный попалъ бы внезапно въ руки непріятелю, и тогда, потерявъ совершенно безъ пользы отъ 8 до 10,000 человѣкъ, я увидѣлъ бы себя въ необходимости или противъ воли сражаться съ превосходнымъ непріятелемъ, или отступать въ виду его. 2-ая Армія могла бы удобно отвлечь непріятеля переходомъ Днѣпра выше Смоленска, но невозможно полагаться на сіи соображенныя движенія, особенно когда двѣ Арміи, имѣющія двухъ независимыхъ начальниковъ, должны дѣйствовать совокупно, что доказывается дѣйствіями 7-го августа.

Въ сей день, во время отступленія моего изъ Смоленска, полагалъ я, по условленному учрежденію, найти сильный аріергардъ въ важныхъ пунктахъ, чрезъ которые слѣдовало 1-ой колоннѣ въ маломъ разстояніи отъ непріятеля достигнуть Дорогобужской дороги; вмѣсто онаго нашелъ я непріятеля; единственно неустрашимости нашихъ войскъ и искусству предводителей

обязанъ я сохраненіемъ сей колонны, могущей подпасть совершенному разсѣянію.

Многіе громогласно объявляли, что обѣимъ Арміямъ надлежало остаться въ Смоленскѣ и атаковать непріятеля, вѣроятно для окончанія войны однимъ разомъ, въ случаѣ неудачи, ибо я не понимаю, что случилось бы тогда съ Арміею, имѣющею въ тылѣ крутые берега Днѣпра и пылающій городъ. Всѣ сіи лица, любящія осуждать и назначать, что надлежало исполнить, нашлись бы въ крайне затруднительномъ положеніи и лишились бы даже присутствія духа, еслибъ увидѣли себя на мѣстѣ Главнокомандующаго и имѣли на своей отвѣтственности не только защищеніе города, но и всего Государства. Легко предполагать распоряженія, не обнимая общаго соображенія и не взирая на будущее, особенно же при увѣреніи, что мы сами не обязаны исполнить оныхъ и отвѣчать за послѣдствія.

Сраженіе 7-го августа.

Сраженіе 7-го августа, извѣстное по моимъ донесеніямъ, можетъ почесться совершенною побѣдою; непріятель былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и побѣдоносныя войска почивали на полѣ битвы. Они отступили единственно потому, что цѣль ихъ была соединеніе обѣихъ Армій. Одна половина Арміи тогда сражалась, ибо остальная часть присоединилась на другой день къ первой при деревнѣ Соловьевѣ, гдѣ Армія переправилась черезъ Днѣпръ на четырехъ мостахъ. 2-ая Армія прибыла въ Дорогобужъ уже 9-го числа.

Позиція Арміи при Усвятѣ.

Первая Армія прибыла къ деревнѣ Усвятъ—отчина княгини Юсуповой—по рѣкѣ Улѣ, въ 12 верстахъ отъ Дорогобужа; позиція сія показалась мнѣ выгодною, я рѣшился въ ней дожидаться нападенія непріятеля и предложилъ князю Багратіону присоединить свою Армію къ лѣвому флангу 1-ой.

11-го аріергардъ, останавливавшій непріятеля почти на каждомъ шагу, приблизился къ Арміи. Непріятель вскорѣ за нимъ послѣдовалъ; вечеромъ онъ

явился со всею своею силою въ виду Арміи и завелъ сильную канонаду. Князь Багратіонъ безпокоился о лѣвомъ своемъ флангѣ, подверженномъ обходу, и утверждалъ, что въ самомъ Дорогобужѣ позиція была выгоднѣе.

Я долженъ былъ сомнѣваться въ семъ послѣднемъ предложеніи, ибо офицеры, посланные уже мною изъ Смоленска для осмотра всего края, упоминали только о позиціяхъ при Уллѣ и Царевомъ Займищѣ; но, по донесеніямъ генераловъ Винценгероде и Краснова, Вице-Король Итальянскій наступалъ съ своимъ корпусомъ по правому берегу Днѣпра до Духовщины къ Дорогобужу, и я рѣшился отступить къ сему послѣднему мѣсту.

Неудобства позиціи при Дорогобужѣ.

12-го августа Армія прибыла въ сію хваленую позицію; я нашелъ ее неудобнѣйшею изъ всѣхъ занятыхъ во время продолженія всей кампаніи.

1-ое. Потому, что мнѣ надлежало употребить цѣлый корпусъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, дабы сопротивиться Вице-Королю Итальянскому.

2-ое. Я былъ принужденъ растянуть остатокъ Арміи, чтобы прислониться вправѣ къ Днѣпру; въ то же время занять лѣвымъ флангомъ высоты, на коихъ необходимы были войска; несмотря на то, оставались еще противъ сей позиціи, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, превосходныя высоты, съ коихъ непріятель могъ рекогносцировать наше расположеніе и истребить насъ своею артиллеріею.

3-е. Въ маломъ разстояніи позади фронта находился городъ съ деревянными строеніями, на мѣстѣ, ископанномъ рытвинами.

4-ое. 2-ая Армія должна была стать подалѣе, въ 8 верстахъ отъ 1-ой, на дорогѣ изъ Ульни къ Вязьмѣ. Можетъ быть, по сему послѣднему обстоятельству показалась Дорогобужская позиція выгодною, ибо 2-я Армія была въ оной отдалена и не зависѣла отъ 1-ой

и нѣкоторымъ образомъ ею защищаема. Вслѣдствіе сего рѣшился я продолжать отступленіе до Царева Займища. 17-го прибыли туда обѣ Арміи. Позиція была очень выгодна, Арміи были расположены не въ большомъ пространствѣ, имѣли предъ собою открытое мѣсто, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній. Въ 12-ти верстахъ отъ сей позиціи, позади Гжатска, была другая, найденная также удобною. Генералъ Милорадовичъ донесъ, что прибудетъ 18-го числа къ Гжатску съ частію своихъ резервовъ. Всѣ сіи причины были достаточны къ уготовленію тамъ рѣшительнаго сраженія. Я твердо рѣшился на семъ мѣстѣ исполнить оное, ибо въ случаѣ неудачи могъ я удержаться въ позиціи при Гжатскѣ. Я нашелъ въ оной подкрѣпленіе, производимое по моей просьбѣ генераломъ Милорадовичемъ, состоящее изъ 12 баталіоновъ и 8 эскадроновъ и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи. Губернаторамъ Тульскому, Орловскому и Черниговскому поручено было доставленіе въ Калугу жизненныхъ и фуражныхъ припасовъ, заготовленныхъ въ сихъ губерніяхъ, и Инженерамъ обѣихъ Армій было немедленно предписано устройство нѣсколькихъ редутовъ на фронтѣ и флангахъ. Для подкрѣпленія аріергарда, получившаго приказаніе удерживать непріятеля по возможности на каждомъ шагу и на каждомъ дифилеѣ, отрядилъ я уже 3-ю дивизію и второй корпусъ кавалерійскій подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Коновницына. По отозваніи генерала Платова въ Москву, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію принялъ команду надъ всѣмъ аріергардомъ генералъ Коновницынъ.

Прибытіе Князя Кутузова въ Армію; онъ находитъ позицію выгодною, но приказываетъ на

17-го августа Князь Кутузовъ прибылъ въ Армію. Онъ позицію нашелъ выгодною и приказалъ ускорить работы укрѣпленій, все приготовлялось къ рѣшительному, какъ вдругъ обѣ Арміи получили повелѣніе идти въ Гжатскъ 18-го числа августа, по полудни. Тогда оказались первые признаки духа пристрастія, безпо-

другой день отступить.

рядковъ и пронырствъ, ежедневно умножавшихся въ послѣдствіи времени и приближавшихъ Армію къ погибели.

Вліяніе окружающихъ Князя.

Вскорѣ по прибытіи Князя, окружила его толпа праздныхъ людей, въ томъ числѣ находилися многіе изъ высланныхъ мною изъ Арміи. Полковникъ Князь Кудашевъ отличился съ самаго начала отъ прочихъ, какъ все дѣлающій и намѣревающійся командовать всею Арміею отъ имени Князя Кутузова и Компаніи (прежде сего видѣлъ я его единственно, когда присалъ ко мнѣ Великій Князь съ какимъ либо препорученіемъ); за нимъ слѣдовалъ полковникъ Кайсаровъ, думающій, что въ качествѣ наперсника и сводника имѣлъ не менѣе права на командованіе Арміею. Съ перваго дня каждый изъ нихъ имѣлъ уже своихъ приверженцевъ; но оба условились замѣтить престарѣлому и слабому Князю, что по разбитіи непріятеля въ позиціи при Царево-Займищѣ, слава сего подвига не ему припишется, но избравшимъ позицію. Причина достаточная для самолюбца, каковъ былъ Князь, чтобы снять Армію съ сильной позиціи.

Армія занимаетъ позицію при Гжатскѣ, гдѣ намѣревается сражаться; начинаетъ укрѣпленія.

18-го Армія прибыла за Гжатскъ. Князь нашелъ эту позицію также выгодною и приказалъ приступить къ работамъ нѣкоторыхъ укрѣпленій, производимыхъ 19-го числа съ всевозможною ревностію, но нынѣ представилось новое явленіе. Генералъ Бенигсенъ, гордящійся похищенною имъ славою и почитающій себя первымъ генераломъ въ свѣтѣ! Сію мысль старается онъ внушить при всякомъ удобномъ случаѣ и даже мнѣ объявилъ онъ сіе въ разговорахъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, вселившихся въ Арміи. Все, что не отъ него происходило или не имъ было предполагаемо, подвергалъ осужденію. Съ самой Вильны питалъ онъ противъ меня злобу по неудачѣ его происковъ для полученія нѣкотораго вліянія на управленіе Арміи.

Генералъ Бенигсенъ противнаго мнѣнія.

Онъ по обыкновенію нашелъ Гжатскую позицію невыгодною. Я спросилъ у него на самомъ мѣстоположеніи и въ присутствіи Князя, что находитъ онъ неудобнаго въ сей позиціи? Онъ показалъ мнѣ на обширный лѣсъ, находящійся въ 1½ пушечныхъ выстрѣла впереди центра, тамъ, говорилъ онъ, скроетъ непріятель всѣ свои движенія, пріуготовленія къ атакѣ и черезъ него прикроетъ отступленіе въ случаѣ неудачи. Я не могъ не замѣтить ему, что такимъ образомъ не найдетъ онъ во всей Россіи приличной позиціи, спрашивая притомъ, неизвѣстна ли ему другая удобнѣйшая, ибо офицеры посланные мною для осмотра края, за нами находящагося, доѣхали только до Гжатска, откуда Князь ихъ воротилъ въ Армію. Онъ утверждалъ, что замѣтилъ оныхъ нѣсколько въ путешествіи своемъ между Гжатскомъ и Можайскомъ. Но послѣдствіе доказало, что онъ сіе дурно замѣчалъ, ибо Арміи скитались, какъ сыны Израиля въ степяхъ Аравійскихъ, отъ мѣста до мѣста безъ малѣйшаго устройства, доколѣ судьба не привела ихъ въ позицію при Бородинѣ. Въ упомянутомъ разговорѣ Князь совершенно былъ моего мнѣнія и твердо рѣшился сражаться на семъ мѣстѣ.

Несмотря на то, въ ночь съ 19-го на 20-ое получили мы повелѣніе продолжать отступленіе; 19-го генералъ Бенигсенъ назначенъ приказомъ по Арміямъ Начальникомъ Главнаго Штаба, а полковникъ Кайсаровъ дежурнымъ генераломъ при Князѣ Кутузовѣ. Въ то же время объявлено, что ихъ приказанія должны почитаться приказаніями самого Князя. Аріергарду предписано было доносить непосредственно генералу Бенигсену и получать отъ него предписанія.

Князь учреждаетъ порядокъ, уничтожающій власть Главнокомандующаго и

Полковникъ Толь, генералъ-квартирмейстеръ 1-й Арміи, былъ присланъ къ Князю Кутузову; слѣдственно, 1-я Армія была безъ квартирмейстера. Всѣ инженеры и квартирмейстерскіе офицеры, піонеры и понтоны были отдалены отъ корпусовъ и Армій и подчинены непо-

раздробляющій управленіе Арміи.

средственному начальству генерала Бенигсена. При самыхъ командующихъ генералахъ не оставлено квартирмейстерскихъ офицеровъ, могущихъ сообщить имъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстоположеніяхъ, дорогахъ и позиціяхъ; все сіе было достаточно къ истребленію управленія Арміи, устроеннаго по новому учрежденію, и къ уничтоженію власти Главнокомандующаго.

Войска получаютъ повелѣніе отъ Бенигсена, Кайсарова, Толя, Кудашева; Главнокомандующіе содѣлываются излишними.

Но сего еще мало: войска часто получали повелѣніе отъ Бенигсена, Кайсарова, Толя и Кудашева, не только безъ свѣдѣнія о томъ Главнокомандующаго Арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда содѣлались Главнокомандующіе Арміями совершенно излишними. Въ самой Арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ, ибо очевидно было, что Князь носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство дѣлъ возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли происки. Сильнѣйшая партія и имѣющая обширнѣйшее вліяніе принадлежала Князю Кудашеву. Хотя Армія и не имѣла главнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но въ качествѣ зятя Князя Кутузова сохранялъ онъ первенство надъ прочими.

Армія приходи[illegible]ъ въ пози- [illegible]боро- [illegible]иса- ніе сей позиціи.

По совершеніи трехъ опасныхъ переходовъ, прибыли мы, наконецъ, 22-го августа въ позицію при Бородинѣ. Она была выгодна въ центрѣ и правомъ флангѣ; но лѣвое крыло въ прямой линіи съ центромъ совершенно ничѣмъ не подкрѣплялось и окружено было кустарниками на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Для прикрытія нѣкоторымъ образомъ сего фланга построенъ былъ редутъ. Въ день нашего пришествія осмотрѣлъ я единственно мѣсто, занятое 1-ю Арміею, для прикрытія праваго фланга приказалъ генералу Трусону построить нѣсколько укрѣпленій и засѣкъ, оконченныхъ 25-го числа и снабженныхъ потомъ артиллеріею и войсками: 23-го сопровождалъ я Князя Кутузова при осмотрѣ лѣваго фланга, то-есть мѣста, назначеннаго для 2-й

Арміи. Впереди 26 дивизіи примѣчалась отдаленная высота, въ виду коей находилося пространство земли вправѣ и лѣвѣ, служащей нѣкоторымъ образомъ ключемъ всей позиціи. Я упомянулъ Князю Кутузову о семъ обстоятельствѣ и предложилъ построить на семъ мѣстѣ сильный редутъ, вмѣсто онаго поставлена была батарея изъ 12 орудій. Послѣдствіе доказало, что надлежащее укрѣпленіе сей высоты доставило бы сраженію совершенно иной успѣхъ.

Князь Багратіонъ донесъ Князю Кутузову, что въ настоящемъ положеніи лѣвый его флангъ подвергался высочайшей опасности. Наконецъ рѣшено, что въ случаѣ нападенія непріятельскаго сей флангъ отступитъ и станетъ между упомянутой высотой и деревней Семеновскимъ; на сей предметъ предписано было построеніе батарей и редутовъ. Я не постигалъ, почему сему движенію надлежало исполниться по нападеніи непріятеля, а не заблаговременно, вѣроятно потому, что генералъ Бенигсенъ не желалъ себя опорочить, онъ выбралъ позицію, и потому слѣдовало пожертвовать 24-го отъ 6 до 7.000 храбрыхъ воиновъ и 3-мя орудіями. Князь Багратіонъ также представилъ, что по лѣвой сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Семеновскаго, находилась прежняя Смоленская дорога, черезъ которую непріятель могъ обойти лѣвый его флангъ. Но Князь Кутузовъ и Бенигсенъ утверждали, что сія дорога легко могла быть защищаема нестроевыми войсками; еслибъ, напротивъ того, построено было нѣсколько редутовъ на главнѣйшихъ высотахъ при сей дорогѣ, 3-й корпусъ, коего отряженіе сдѣлалось необходимымъ, 24 числа въ полной мѣрѣ удержалъ бы тамъ непріятеля. Впослѣдствіи обстоятельства принудили къ отряженію въ сіе мѣсто также всего корпуса и большой части кавалеріи; несмотря, на то всѣ сіи войска съ трудомъ удерживались тамъ. Мы не нуждались въ работникахъ для укрѣпленій, ибо имѣли въ своемъ распо-

ряженіи отъ 15 до 16 тыс. ополченія и множество потребныхъ къ тому орудій, доставленныхъ намъ Графомъ Растопчинымъ.

Лѣвый нашъ флангъ атакованъ и разбитъ 24 числа, при семъ случаѣ потеря наша простирается болѣе, нежели до 6000 человѣкъ.

24-го числа по полудни, аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Коновницына, останавливавшій непріятеля на каждомъ шагу, отступилъ къ позиціи Арміи. Непріятель, преслѣдуя его, столкнулся съ упомянутымъ редутомъ на лѣвомъ флангѣ Арміи. Близкое разстояніе онаго побудило его къ быстрому нападенію. Тогда началось дѣло, въ коемъ вся 2-ая Армія принуждена была участвовать; послѣдствіемъ сего дѣла было взятіе 5 орудій 2-ой кирасирской дивизіи; но наконецъ непріятель сбилъ редутъ, взялъ въ ономъ орудія и причинилъ намъ безполезный урокъ, стоющій болѣе, нежели изъ 6.000 человѣкъ. Тогда 2-ая Армія заняла 2-ую позицію лѣваго фланга, отступающаго на деревню Семеновки. Подъ вечеръ примѣчено, что нестроевыя войска были недостаточны къ прикрытію старой Смоленской дороги.

Корпусъ уводится ночью къ концу лѣваго фланга.

Почему и занята оная ночью 3-мъ корпусомъ. Сіе распоряженіе совершилось безъ малѣйшаго моего о томъ свѣдѣнія. Полковникъ Толь прибылъ къ корпусу и приказалъ за собою оному слѣдовать; Адъютантъ, посланный мною съ приказаніями въ сей корпусъ, увѣдомилъ меня о семъ происшествіи. Никто не зналъ, подъ чьимъ начальствомъ слѣдовало оному находиться, также неизвѣстно, къ кому подлежало ему относиться и получить предписанія. Я представилъ сіе Князю и получилъ въ отвѣтъ, что причина тому была ошибка, которая впредь уже не случится. Каждое изъ начальствующихъ лицъ удвоило войска и располагало оными, не удостаивая Главнокомандующаго извѣщеніемъ. Сіи обстоятельства во время дѣла стоили бы погибели почти всей Арміи.

Непріятель употребляетъ весь день 25

Весь день 25 августа употребленъ былъ непріятелемъ для осмотра нашей позиціи и для уготовленій

къ сраженію. Слѣдующаго числа онъ окопалъ лѣвый свой флангъ противъ центра 1-ой Арміи, но соединилъ большую часть своихъ силъ на правомъ флангѣ. Посему можно было предвидѣть, что лѣвый флангъ будетъ главнымъ предметомъ его нападенія.

Для осмотра нашей позиціи, всѣ его приготовленія представляютъ съ его стороны нападеніе на лѣвый нашъ флангъ.

Князю Кутузову предложено было подъ вечеръ, при наступленіи темноты, исполнить съ Арміею движеніе такъ, чтобы правый флангъ 1-ой Арміи опирался на высоты горки, а лѣвый примыкалъ къ деревнѣ Семеновскому; но чтобы вся 2-ая Армія заняла мѣсто, въ коемъ находился тогда 3-ій корпусъ. Сіе движеніе не перемѣнило бы боевого порядка; каждый генералъ имѣлъ бы при себѣ собранныя свои войска; резервы наши, не начиная дѣла, могли быть сбережены до послѣдняго времени, не будучи разсѣяны, и можетъ быть рѣшили бы сраженія; Князь Багратіонъ, не будучи атакованъ, самъ бы съ успѣхомъ ударилъ на правый флангъ непріятеля. Для прикрытія же нашего праваго фланга, защищеннаго уже мѣстоположеніемъ, достаточно было построенныхъ укрѣпленій, 8 или 10 баталіоновъ пѣхоты, 1-го кавалерійскаго корпуса и казачьихъ полковъ 1 Арміи. Князь одобривалъ, повидимому, сію мысль, но она не была приведена въ дѣйствіе.

Князю Кутузову предлагается предупредить сіе нападеніе.

26-го, на разсвѣтѣ, непріятель съ превосходствомъ напалъ на деревню Бородино, занятую Гвардейскими Егерями; онъ столь сильно тѣснилъ сей полкъ къ Москвѣ рѣкѣ, что не далъ оному времени сжечь моста. Непріятель, несмотря на огонь, производимый по немъ артиллеріею, слѣдовалъ по пятамъ помянутаго полка и ежеминутно усиливался. Я приказалъ полковнику Вуичу немедленно ударить въ штыки на непріятеля съ Егерскою своей бригадою; сей храбрый офицеръ отважно исполнилъ оное, такъ что непріятель былъ вскорѣ опрокинутъ, частію истребленъ, а частію сбитъ въ рѣку; малое число онаго спаслось переходомъ моста, немедленно сооруженнаго; между тѣмъ на лѣвомъ

Сраженіе 26 августа.

флангѣ 2-ой Арміи открылся сильный ружейный и пушечный огонь. Князь Багратіонъ потребовалъ подкрѣпленія. Къ нему отправленъ былъ весь 2-ой пѣхотный корпусъ и вскорѣ потомъ, по вторичной его просьбѣ, Гвардейскіе полки: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, 2-ой корпусъ былъ отряженъ къ Генералу Тучкову I-му, Гвардейскіе полки употреблены были при деревнѣ Семеновскомъ. Я самъ прибылъ ко второй Арміи для узнанія ея позиціи, я нашелъ оную въ жаркомъ дѣлѣ и войска ея въ разстройствѣ. Всѣ резервы были уже въ дѣлѣ. Я поспѣшилъ возвратиться, дабы немедленно привести съ праваго фланга, изъ-за центра обѣихъ Армій, 4-й корпусъ, оставшійся еще въ моемъ распоряженіи съ 6-мъ пѣхотнымъ, 2-мъ кавалерійскимъ и 3 Гвардейскими полками. Я вскорѣ построилъ оные въ видѣ крюка на лѣвомъ флангѣ, 26-ю дивизію фронтомъ къ 2-ой Арміи; до совершеннаго исполненія сего движенія 2-ая Армія, по отступленіи раненаго Князя Багратіона и многихъ Генераловъ, была опрокинута въ величайшемъ разстройствѣ. Всѣ укрѣпленія съ частью батарей достались непріятелю; одна 26-ая дивизія удерживала еще свою позицію около высоты, находящейся спереди центра. Она уже два раза отражала непріятельскія нападенія (сіе происходило около 11 час. утра). Генералу Дохтурову поручено было начальство надъ 2-ой арміею. Его пѣхота была совершенно разстроена и разсѣяна въ малыхъ кучкахъ, остановленныхъ уже за главною квартирою, на большой Можайской дорогѣ; 3 Гвардейскіе полка отступили въ изрядномъ устройствѣ и приблизились къ прочимъ Гвардейскимъ полкамъ, выстроеннымъ мною въ резервѣ съ 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ позади 4-го, въ концѣ лѣваго фланга. Дѣло происходило съ утра съ перемѣннымъ успѣхомъ. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ былъ раненъ, генералъ Багговутъ принялъ начальство и былъ отряженъ въ самое время совершеннаго разбитія 2-ой Ар-

міи; но онъ съ отличнымъ мужествомъ все еще удерживалъ непріятеля почти на каждомъ шагу. Тогда непріятель двинулъ всю свою силу противъ 7-го корпуса и высоты центра, но встрѣченъ былъ съ неустрашимостью. Онъ употребилъ всю свою силу противъ сихъ двухъ предметовъ. Послѣ сильной канонады, около часа, непріятель во многихъ колоннахъ атаковалъ высоту центра, опрокинулъ 26-ую дивизію и овладѣлъ высотою и батареею, оную занимавшею. Въ то же время генералъ-маіоръ Ермоловъ приблизился къ бѣгущей 26 дивизіи съ баталіономъ 24 дивизіи, сомкнутымъ въ густую колонну, остановилъ ее и повелъ съ мужествомъ къ высотѣ. Я отрядилъ между тѣмъ два другіе баталіона вправо для обхода лѣваго крыла непріятельскаго и еще правѣе выслалъ Оренбургскій полкъ ударить на лѣвый флангъ непріятельской колонны, слѣдующей въ разстояніи для подкрѣпленія сражающихся войскъ. Я приказалъ всей находящейся въ семъ мѣстѣ артиллеріи дѣйствовать по оной же колоннѣ; всѣ сіи мѣры увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ. Непріятель свергнутъ съ высоты, артиллерія наша обратно отбита и всѣ неуспѣвшіе спасаться бѣгствомъ совершенно истреблены. Непріятель потерялъ въ семъ случаѣ по малой мѣрѣ 3.000 человѣкъ, ибо высота и поле, окружающее оную на нѣсколько сотъ шаговъ, были совершенно устланы трупами непріятельскими. Въ оной взятъ въ плѣнъ генералъ Бонъ-Ами. По утомленію и разстройству 26-ой дивизіи, поручилъ я сіе мѣсто Генералъ-Маіору Лихачеву съ 24-ою дивизіею. Я вывелъ 26-ую дивизію изъ дѣла для возстановленія въ ней порядка и сформированія баталіоновъ и предписалъ ей занять мѣсто между 4-мъ корпусомъ и 24-ою дивизіею; но до вечера не видалъ я сей дивизіи, она стояла позади резервной кавалеріи. Генералъ Паскевичъ занимался приведеніемъ ея въ устройство. Во время самаго нападенія на высоту центра, непріятельская кавалерія, состоящая большею

частью изъ кирасиръ и нѣсколькихъ полковъ уланскихъ, ударила на 4-й корпусъ, тамъ встрѣтила она Перновскій пѣхотный и 24-й Егерскій полкъ. Сіи храбрые полки выдержали нападеніе непріятеля съ неимовѣрнымъ мужествомъ, допустили его на 80 или 60 шаговъ и дали по немъ столь удачный залпъ, что онъ отступилъ въ разстройствѣ. Сумскій и Маріупольскій Гусарскіе полки и Сибирскій Драгунскій преслѣдовали непріятеля; но, столкнувшись съ непріятельскою пѣхотою и артиллеріею, возвратились въ разстройствѣ. Непріятельская кавалерія, усиленная резервами, слѣдовала по пятамъ за нашей конницей, пробилась впередъ между колоннъ и пѣхотныхъ краевъ и явилась, такимъ образомъ, въ тылу 4-го и 6-го корпусовъ. Храбрые сіи войска не замѣшались, но приняли непріятеля съ заднихъ фасовъ своихъ кареевъ. Огонь, производимый ими и нашей конной артиллеріей, привелъ въ безпорядокъ непріятельскіе ряды; кавалерія наша снова построилась и съ помощью нѣсколькихъ Драгунскихъ полковъ ударила на непріятеля и совершенно его опрокинула, такъ что онъ вовсе изъ виду отступилъ за свою пѣхоту. Тогда снова артиллерія открыла съ обѣихъ сторонъ смертоносное свое дѣйствіе. Казалось, что Наполеонъ рѣшился уничтожить насъ артиллеріею. Пѣхота наша съ чудесною твердостью выдержала ужаснѣйшій пушечный огонь. Въ особенности войска, составлявшія уголъ центра, весьма потерпѣли, ибо тамъ пересѣкался огонь съ многихъ непріятельскихъ батарей. Во время сей ужасной канонады, сбивавшей съ обѣихъ сторонъ цѣлые ряды, непріятель устроилъ нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ колоннъ. Я предвидѣлъ жестокое нападеніе со стороны непріятеля. Кавалерія моя была уже крайне утомлена. Я послалъ немедленно за 1-ой Кирасирской дивизіей, полагая, что она все еще на мѣстѣ, мною предписанномъ, въ коемъ намѣревался я сохранить ее для рѣшительнаго удара, но по

несчастію была она уведена, не знаю кѣмъ, на край лѣваго фланга. Адъютантъ мой едва достигъ двухъ Кирасирскихъ полковъ и, воротивъ оные, привелъ немедленно ко мнѣ. Между тѣмъ непріятель началъ уже нападеніе, съ частью своей кавалеріи занималъ онъ нашу, а съ другою врубился въ 24-ую дивизію, употребленную для прикрытія батарей на высотѣ центра. Непріятель опрокинулъ оную и облегчилъ тѣмъ атаку пѣхотнымъ колоннамъ, подвинувшимся тогда съ другой стороны. Высота съ частью артиллеріи была взята штурмомъ, и 24-ая дивизія возвратилась въ величайшемъ смятеніи, но была немедленно остановлена и построена. Тогда непріятельская кавалерія соединенными силами устремилась на нашу пѣхоту. Я предвидѣлъ уже минуту рѣшенія нашей участи. Кавалерія моя была недостаточна къ удержанію сей громады непріятельской, и я не смѣлъ вести ее противъ непріятеля, полагая, что будетъ опрокинута и въ разстройствѣ притѣснена къ пѣхотѣ. Всю свою надежду полагалъ на храбрую пѣхоту и артиллерію, содѣлавшихся въ сей день безсмертными. Обѣ исполнили мое ожиданіе, непріятель былъ пріостановленъ. Въ сію затруднительную минуту прибыли на рысяхъ два Гвардейскіе Кирасирскіе полка, я указалъ имъ непріятеля и они съ рѣдкою неустрашимостью устремились въ атаку, полки: Сумскій, Маріупольскій и Оренбургскій Драгунскій послѣдовали за ними, Псковскій Драгунскій и Изюмскій Гусарскій, также отряженные безъ моего о томъ свѣдѣнія, прибыли тогда подъ начальствомъ генерала Корфа. Я поставилъ ихъ въ резервѣ. Тогда началась кавалерійская битва изъ числа упорнѣйшихъ, когда либо случавшихся. Непріятельская и наша конница попеременно другъ друга опрокидывали, потомъ строились они подъ покровительствомъ артиллеріи и пѣхоты; наконецъ, наша успѣла съ помощію конной артиллеріи и пѣхоты въ обращеніи непріятельской кавалеріи въ бѣгство; она

совершенно отступила отъ поля сраженія; пѣхота, стоявшая противъ 4-го корпуса, также отступила почти изъ виду артиллеріи, оставивъ одну цѣпь стрѣлковъ, но взятая высота все еще сильно была защищаема. Позади оной находилось еще нѣсколько колоннъ пѣхоты и малое число кавалеріи. Пушечный огонь возобновился, непріятельскій мало по малу ослабѣвалъ, но съ нашихъ батарей производилось безпрерывное дѣйствіе до самаго вечера по упомянутой высотѣ и колоннамъ, позади оной поставленнымъ. Наконецъ, темнота ночи водворила и съ нашей стороны тишину.

Во время всѣхъ сихъ происшествій Князь Кутузовъ отрядилъ 1-й кавалерійскій корпусъ къ Москвѣ рѣкѣ, для нападенія на лѣвый флангъ непріятеля съ помощью казаковъ генерала Платова. Если-бъ сіе нападеніе исполнилось съ большою твердостью, не ограничиваясь однимъ утомленіемъ непріятеля, то послѣдствіе онаго было бы блистательно. Генералъ Дохтуровъ занимался приведеніемъ 2-ой Арміи въ устройство; кавалерія и часть артиллеріи сей Арміи сражались во весь день съ отличнѣйшею храбростью; но пѣхота была по большей части разсѣяна и собрана уже къ вечеру. Генералъ Багговутъ во все сіе время находился въ затруднительнѣйшемъ положеніи; но съ помощью кавалеріи 2-ой Арміи, удержалъ онъ довольно удачно мѣсто, имъ занятое. Высоты, занимаемыя его артиллеріею, были взяты непріятелемъ, но оставлены онымъ подъ вечеръ.

Позиція, занятая Арміею по окончаніи сраженія для возобновленія онаго на слѣдующій день.

Я поручилъ генералу Милорадовичу занять съ войсками 1-ой Арміи слѣдующую позицію: правое крыло 6-го корпуса должно было опираться на высоты при деревнѣ Горки; направленіе 1-ой линіи находилось въ прямой линіи отъ сей точки къ д. Семеновскому; 4-й корпусъ сталъ возлѣ 6-го корпуса, во второй оба кавалерійскіе, за оными 3-ій корпусъ въ резервѣ. Для точности направленія приказалъ я разложить огни въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ

друга, что и облегчило движеніе войскъ. Я предложилъ генералу Дохтурову подкрѣпить войска 2-ой Арміи, собранныя имъ на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса, и занять мѣсто между онымъ и корпусомъ генерала Багговута. Я предписалъ генералу снова занять позицію, защищаемую имъ наканунѣ, я предписалъ пріуготовленія къ построенію редута на высотѣ при д. Горкахъ. 2.000 человѣкъ ополченныхъ были на сіе употреблены. Я донесъ о сихъ всѣхъ мѣрахъ Князю Кутузову, онъ объявилъ мнѣ свою благодарность, все одобрилъ и увѣдомилъ меня, что пріѣдетъ въ мой лагерь для ожиданія разсвѣта и возобновленія сраженія.

Вскорѣ потомъ также объявленъ письменный приказъ, одобривающій всѣ мои распоряженія; я предписалъ рекогносцировку, дабы узнать занимаетъ-ли еще непріятель высоту центра. На ней найдены только разсѣянныя команды, занимающіяся своимъ отступленіемъ. Вслѣдствіе сего поручилъ я генералу Милорадовичу занять сію высоту на разсвѣтѣ нѣсколькими баталіонами и одной батареей. Всѣ утѣшались одержанною побѣдою и съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго утра.

Армія вдругъ получаетъ повелѣніе отступить.

Но въ полночь я получилъ предписаніе, по коему обѣимъ Арміямъ слѣдовало отступать за Можайскъ. Я намѣревался ѣхать къ Князю, дабы упросить его къ перемѣнѣ сего повелѣнія, но меня увѣдомили, что генералъ Дохтуровъ уже выступилъ. Итакъ, мнѣ осталось только повиноваться съ сердцемъ, стѣсненнымъ горестью. Генералъ Платовъ долженъ былъ составлять аріергардъ. Я предложилъ ему перевести войска, находящіяся за Москвою рѣкою, на нашу сторону, дабы составить цѣпь передовыхъ постовъ на сей сторонѣ рѣки. Я оставилъ ему три полка Егерей и 1 Гусарскій. 27-го, въ 9 часовъ утра, нигдѣ не виденъ былъ непріятель по близости поля сраженія, послѣ 9 часовъ показались разсѣянныя войска, вѣроятно для исполненія

рекогносцировки. Причина, побудившая къ сему отступленію, еще понынѣ отъ меня сокрыта завѣсою тайны.

Разстройство сего отступленія.

Сіе отступленіе, почти подъ стѣнами Москвы, исполнилось въ величайшемъ разстройствѣ. Единственное слѣдствіе нерадивости владѣющихъ тогда начальствомъ къ совершенію какихъ-либо пріуготовленій и учрежденій.

Войска безъ проводниковъ часто останавливались на переходѣ нѣсколькихъ часовъ при разрушенныхъ мостахъ, при проходѣ дефилей и деревень. Часто тѣ, коимъ слѣдовало исправлять дорогу, заграждали оную войскамъ понтонами, повозками съ инструментами и обозами ополченія, сцѣпившимися другъ съ другомъ. Наконецъ, по исправленіи безпорядка и прошествіи трудныхъ маршей, войска прибыли къ мѣсту ночлега, но скитались еще остальное время дня, не зная, гдѣ слѣдовало имъ расположиться. Наконецъ, принуждены они были расположиться при большой дорогѣ и, будучи утомлены трудами, броситься въ грязь для проведенія ночи. Генерала Бенигсена, взявшаго на себя управленіе Главнаго Штаба, который въ точности несуществовалъ уже, невозможно было найти. Должно признаться, что въ семъ отступленіи Богъ одинъ былъ нашимъ путеводителемъ. На второмъ переходѣ сего знаменитаго отступленія почувствовалъ уже я лихорадочныя припадки, на слѣдующій день она сдѣлалась столь сильна, что я принужденъ былъ лечь въ постель, не бывъ уже въ состояніи ѣздить верхомъ. Сіе было слѣдствіемъ не только сего похода и усилій при Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе досады и обиды, коимъ подвергался я ежечасно. По прибытіи нашемъ къ Москвѣ, укрѣпился я, по возможности, всѣми силами для изслѣдованія позиціи, назначенной Арміи. Я удивился при видѣ оной. Многіе дивизіи были отдалены непроходимыми рытвинами. Въ одной изъ оныхъ протекала рѣка, совершенно пресѣкающая сообщеніе; пра-

вое крыло примыкало къ лѣсу, продолжающемуся на нѣсколько верстъ къ непріятелю. По превосходству его стрѣлковъ можно было полагать, что онъ безъ труда овладѣетъ симъ лѣсомъ, и тогда не было средствъ къ поддержанію праваго крыла. 1-ая Армія имѣла за собою ровъ, имѣющій по крайней мѣрѣ отъ 10 до 15 саженей глубины и съ столь крутыми берегами, что едва одному человѣку возможно было пройти. Резервъ вправѣ столь не удачно былъ поставленъ, что каждое ядро могло постигнуть всѣ четыре линіи. Резервъ на лѣвомъ флангѣ, будучи отдаленъ отъ корпусовъ, получающихъ отъ него подкрѣпленіе, упомянутой рытвиной, долженъ былъ, въ случаѣ разбитія сихъ войскъ, быть спокойнымъ зрителемъ онаго, не имѣя возможности доставить имъ помощь. Пѣхота сего резерва могла по крайней мѣрѣ стрѣлять по нашимъ и по непріятелю. Конница уже не имѣла и того преимущества, но обязана была, если бы не рѣшилась немедленно обратиться въ бѣгство, спокойно ожидать своего уничтоженія непріятельскою артиллеріею. Вообще сія позиція простиралась почти на разстояніи 4-хъ верстъ, на которыхъ армія, ослабленная Бородинскимъ сраженіемъ и пагубнымъ смѣшеніемъ отступленія, была растянута подобно паутинѣ. Позади сей позиціи находился обширный городъ Москва и рѣка сего имени, на оной построено было 8 плавающихъ мостовъ, какъ выше, такъ и ниже города. При семъ должно замѣтить, что 4 моста выше города были поставлены при столь крутыхъ берегахъ, что одна пѣхота могла сойти до оныхъ; въ случаѣ разбитія, вся армія была-бы уничтожена до послѣдняго человѣка, ибо отступленіе чрезъ столь обширный городъ предъ преслѣдующимъ непріятелемъ есть вещь несбыточная.

Подробное объясненіе.

Я поспѣшилъ отправиться въ Главную Квартиру Князя, находящуюся на краю праваго фланга, и встрѣтилъ на пути Г. Бенигсена. Я открылъ всѣ свои замѣ-

чанія сей позиціи; я спросилъ у него: рѣшено-ли было погребсти всю Армію на семъ мѣстѣ? Онъ казался удивленнымъ и объявилъ мнѣ, что вскорѣ самъ будетъ на лѣвомъ флангѣ. Вмѣсто того, поѣхалъ въ деревню, находящуюся при центрѣ, гдѣ назначена была его квартира. По объясненіи положенія Арміи Князю, исполненномъ мною съ помощію рисунка позиціи, онъ ужаснулся. Полковникъ Толь, коего онъ спросилъ мнѣнія, призналъ всѣ мои замѣчанія справедливыми, онъ говорилъ, что не избралъ-бы сей позиціи, и присовокупилъ, что принужденъ былъ искренно объявить, что Армія подвергалась въ оной совершенной опасности.

Немедленно было рѣшено собрать всѣхъ корпусныхъ командировъ, они прибыли въ 4 часа, генерала Бенигсена ждали до 6 часовъ. По сообщеніи ему предмета нашего собранія началъ онъ рѣчь, предлагая вопросъ: предпочтительнѣе-ли сражаться подъ стѣнами Москвы или оставить городъ непріятелю? Князь сильно опорочилъ сей безполезный и легко принятый вопросъ: онъ замѣтилъ, что участь не только арміи и города Москвы, но и всего Государства зависѣла отъ предмета, предлагаемаго сужденію. Таковый вопросъ, говорилъ онъ, безъ предварительнаго объясненія главныхъ обстоятельствъ есть совершенно лишній. Князь подробно описалъ потомъ собранію всѣ неудобства позицій Арміи, онъ замѣтилъ, притомъ, что доколѣ будетъ еще существовать Армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда счастливо довершить войну; но по уничтоженіи Арміи не только Москва, но и вся Россія была-бы потеряна. Послѣ сихъ соображеній предложилъ Князь вопросъ, прилично-ли было ожидать нападенія непріятеля въ сей неудобной позиціи или оставить Москву непріятелю. Я съ своей стороны, какъ генералъ - лейтенантъ Графъ Остерманъ, Раевской и Ко-

новницынъ изъявили свое мнѣніе къ отступленію. Графъ Остерманъ и Раевской присовокупили еще, что Москва не составляла еще Россіи, что наша цѣль не состояла въ одномъ защищеніи Москвы, но всего отечества. Я объявилъ, что для спасенія отечества главнымъ предметомъ было сохраненіе Арміи, въ занятой нами позиціи, безъ сомнѣнія, слѣдовало намъ быть разбитымъ, и все, что недосталось-бы въ руки непріятелю на мѣстѣ сраженія, было-бы уничтожено при отступленіи чрезъ Москву. Правда, что горестно было оставлять врагамъ столицу; но есть-ли бъ мы не лишились мужества и содѣлались дѣятельными, то овладѣніе Москвой приготовило-бы совершенное низверженіе непріятеля. Генералъ Бенигсенъ ничего противъ онаго не говорилъ, но предложилъ атаковать непріятеля. Онъ намѣревался оставить корпусъ на правомъ флангѣ, для отвода всей остальной Арміи за рвы на лѣвой флангъ и атаковать правое крыло непріятеля. Я замѣтилъ, что надлежало ранѣе о семъ помыслить и сообразно оному расположить Армію. Время къ тому было еще при первомъ моемъ объясненіи съ генераломъ Бенигсеномъ о опасностяхъ позиціи; теперь было уже поздно. Въ темнотѣ ночной трудно было различать войска, скрытыя въ непроходимыхъ рвахъ. Прежде ихъ распознанія непріятель уже на нихъ ударилъ-бы; Армія потеряла большую часть своихъ честныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ что многіе полки находились подъ начальствомъ капитановъ, а бригады подъ предводительствомъ неопытныхъ штабъ-офицеровъ. Сія армія могла по храбрости, сродной нашимъ войскамъ, сражаться въ позиціи и отразить непріятеля, но не была въ состояніи исполнить движеній въ виду онаго. Князь одобрилъ сіе мнѣніе и поставилъ въ примѣръ Фридландское сраженіе. Графъ Остерманъ спросилъ, немного неосновательно, у генерала Бенигсена, отвѣчаетъ-ли онъ за успѣхъ предлагаемаго пред-

пріятія? Онъ умолкнулъ, и Князь рѣшилъ отступленіе. Всѣ обозы и большая часть артиллеріи должны были немедленно выступить, войска должны были тронуться въ два часа по полуночи и направиться на Рязанскую дорогу. Отступленіе совершилось не въ величайшемъ порядкѣ. Я утѣшаюсь мыслію, что если бы я не употребилъ въ сей день чрезмѣрныхъ усилій съ пожертвованіемъ самимъ собою и, несмотря на свою болѣзнь, повсюду не присутствовалъ, то Армія съ трудомъ вышла-бы изъ Москвы. Войска не имѣли проводниковъ, никого не было изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ, а тѣ, коихъ обязанность была исправлять дороги, мосты и наблюдать за порядкомъ оныхъ, часто сами заграждали пути.

Армія переходитъ на старую Калужскую дорогу.

Отъ Дорогомилова, гдѣ мы переправились чрезъ Москву рѣку, исполнили мы два фланговыхъ перехода въ Красную Пахру и нашли въ оной старую Калужскую дорогу. Сіе движеніе есть важнѣйшее и приличное къ обстоятельствамъ изъ всѣхъ, совершенныхъ со времени прибытія Князя. Сіе дѣйствіе доставило намъ возможность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля. Удостовѣреніе, для меня столь успокоительное, что было въ состояніи облегчить безполезное состояніе, изнурявшее меня уже съ Бородина, несмотря на униженія, ежедневно меня угнетавшія, не взирая даже на обидную, ничего не значущую должность, исполняемую мною въ Арміи, я единственно помышлялъ о непремѣнномъ уничтоженіи непріятеля.

Я предложилъ Князю занять позицію на Калужской дорогѣ (не говорю о старой, но такъ называемой новой дорогѣ). Сей позиціи надлежало быть сильно окопанною для отраженія всей непріятельской силы съ двумя третями арміи, прочая часть арміи отрядилась-бы влѣво для пресѣченія непріятелю всякаго сообщенія съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Князь одобрилъ сію мысль, я полагалъ, что мы направлялись

еще лѣвѣе, почему и почиталъ позицію при Красной Пахрѣ, какъ занятую единственно въ теченіи всего перехода; но, увидѣвъ, что мы въ оной оставались, я поставилъ себѣ долгомъ замѣтить Князю, что упомянутая цѣль не исполнится сею позицію, по пространству оной и по причинѣ высотъ, господствующихъ надъ нею съ правой стороны; я предложилъ занятіе другой, тѣснѣйшей, находящейся на правомъ берегу Пахры, имѣющей сію рѣку предъ фронтомъ, а не позади онаго, какъ въ тогдашней позиціи. Князь совѣтовался о семъ съ генераломъ Бенигсеномъ, въ послѣдствіи сего перемѣнена позиція и избрана на правомъ берегу Пахры, но, вмѣсто стѣсненій, распространена еще болѣе, 2, 3 и 4-ый корпусы расположены были на правомъ флангѣ и снова отдѣлены отъ прочихъ войскъ рвомъ, коего переходъ былъ также затруднителенъ. Вся 2-ая Армія, большая часть егерскихъ полковъ 1-ой Арміи и 1-ый резервный кавалерійскій корпусъ составляли авангардъ Арміи, расположенный частію на Московской дорогѣ подъ начальствомъ Милорадовича и частію на Подольской подъ начальствомъ Г. Раевскаго. Я напомнилъ, что надлежитъ выслать отряды къ окрестностямъ Можайска. Тогда отряженъ былъ генералъ-маіоръ Дороховъ съ нѣкоторымъ числомъ войскъ въ направленіи къ Вязьмѣ.

Донесеніе Г. Раевскаго, большое безпокойство въ Арміи.

13-го донесъ Г. Раевскій, что непріятель наступалъ на него изъ Подольска. Онъ страшился также, чтобы непріятель не приблизился къ тылу арміи, по дорогѣ, вѣдущей (Sic) къ Чарикову (Sic), посему отрядилъ онъ генералъ-маіора Паскевича съ 26 дивизіею и нѣкоторою частію кавалеріи для прикрытія фланга Арміи на сей дорогѣ. Сіе донесеніе причинило вдругъ всеобщее смущеніе. Всѣ вообразили себѣ, что Наполеонъ со всею своею силою наступалъ во флангѣ и въ тылъ нашей Арміи. 4-му пѣхотному и 2-му кавалерійскому корпусамъ предписано было немедленно выступить для присоеди-

ненія къ Г. Паскевичу. Графъ Остерманъ донесъ подъ вечеръ, что его аванпосты имѣли сильное дѣло по дорогѣ къ Чирикову и что съ сей стороны показалась непріятельская колонна, посему рѣшено было, чтобы генералъ Дороховъ, причинившій уже много вреда непріятелю, возвратился въ ту же ночь. Генералу Милорадовичу, имѣющему предъ собой слабые аванпосты, слѣдовало занять съ 2-ою Арміею позицію 1-ой Арміи.

Движенія Арміи, отъ того происходящія.

Сія жъ, напротивъ того, должна была обратиться фронтомъ къ грознымъ силамъ непріятельскимъ, ожидаемымъ къ Чирикову. Я увѣрялъ, что можно было успокоиться на счетъ праваго фланга, ибо черезмѣрно дерзко было бы со стороны Наполеона обратить къ оному всѣ свои силы. Онъ подвергнулся бы черезъ то отдаленію отъ Москвы, Смоленска, Витебска и отъ всѣхъ своихъ отрядовъ и могъ быть совершенно окруженъ и разбитъ. Я предложилъ немедленно атаковать отрядъ, приближавшійся по дорогѣ къ Чирикову, для удостовѣренія неосновательности нашего страха или, въ случаѣ несогласія, выгоднѣе было правому флангу нашему избѣгать непріятеля, а лѣвому обнять правое его крыло. Но всѣ сіи представленія не произвели ни малѣйшаго дѣйствія. Предположенное движеніе исполнилось. Генералъ Бенигсенъ казался столь увѣреннымъ въ нападеніи непріятеля, что 14-го по утру, не видя еще пришествія 6-го корпуса къ назначенному мѣсту (ибо сей корпусъ съ трудомъ выступалъ съ мѣста своего, окруженнаго рвами), подъѣхалъ онъ ко мнѣ и сказалъ: „Боже мой! 6-ой Корпусъ еще не пришелъ; чтобы непріятель не атаковалъ насъ до его прихода?“ Я отвѣчалъ ему, чтобы онъ успокоился, что непріятель не окажетъ ему сего удовольствія. И, дѣйствительно, во весь день не слышно было ни одного пистолетнаго выстрѣла.

Армія отступаетъ еще на 15 верстъ къ Мочинскому.

Подъ вечеръ сообщено мнѣ торжественно о найденіи позиціи въ 15 верстахъ отъ д. Мочинской, гдѣ Чириковская дорога соединяется съ большею, и что

армія выступитъ туда въ слѣдующій день, въ 5 часовъ, а аріергардъ послѣдуетъ за оною по обыкновенію. Сей переходъ причинилъ сильное потрясеніе моему здоровью, я занемогъ сильно лихорадкою.

16-го, поутру, Адъютантъ, посланный мною въ аріергардъ, дабы узнать, что съ онымъ происходило, донесъ мнѣ, что онъ отступилъ до 5-ти верстъ къ Арміи и былъ преслѣдованъ непріятелемъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Несмотря на свою болѣзнь, написалъ я къ Дежурному Генералу Коновницыну, поручая ему просить Князя отъ моего имени о повелѣніи атаковать непріятеля, дабы узнать, по крайней мѣрѣ, его силу, также, чтобы Боровская дорога не оставлена была безъ наблюденія и сильные отряды посланы къ окрестностямъ Можайска. Сіе обстоятельство, дѣйствительно, побудило къ нападенію на непріятельской авангардъ. Генералъ Бенигсенъ самъ туда прибылъ, 2-ой корпусъ и 1-ая кавалерійская дивизія также были отряжены по сему случаю, но обыкновенно безъ малѣйшаго моего о томъ свѣдѣнія. Но день прошелъ безъ всякаго предпріятія; наконецъ, помышляли о рѣшительномъ нападеніи; три раза приказанія былы отданы и три раза отмѣнены; наконецъ, подъ вечеръ Милорадовичъ выступилъ впередъ Красной Пахрѣ, атаковалъ сію деревню, занятую непріятелемъ, вытѣснилъ его изъ оной; но отступилъ по наступленіи темноты. Мы потеряли при семъ случаѣ 400 человѣкъ Гусаръ.

На другой день аріергардъ отступилъ до 5 верстъ къ Арміи, не зная истинной силы слѣдующаго за нимъ непріятеля.

На 18-ое число приготовлялось все къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Говорили о наступленіи непріятеля въ большихъ силахъ. Аріергардъ получилъ повелѣніе отступить къ Арміи, коей слѣдовало выстроиться въ боевомъ порядкѣ. Самъ Князь прибылъ къ оной; все было въ ожиданіи нападенія. Между тѣмъ найдено, что позиція была невыгодна. Къ сему открытію присоединилась мысль объ отступленіи. Резервная артиллерія получила прежде прочихъ повелѣніе отступить (въ пол-

18-го приготовляются къ сраженію.

день); по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, нашелъ Князь Кудашевъ, что недоставало артиллеріи, вслѣдствіе сего приказали оной возвратиться. При приближеніи артиллеріи темнота уже наступила, и рѣшено общее отступленіе; слѣдовательно, ей снова надлежало воротиться.—Но непріятель былъ столь неучтивъ, что не умѣлъ цѣнить нашего къ нему расположенія. Онъ насъ не атаковалъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-ое Армія выступила и прибыла 21-го числа въ позицію при Тарутинѣ. 22-го непріятель тѣснилъ нашъ аріергардъ почти до самой Арміи. Тогда ударилъ оный на непріятеля и попервомъ нападеніи отрѣзалъ его на нѣсколько верстъ. Доказательство, что Наполеонъ былъ въ отдаленіи.

(Примѣчаніе: Извѣстно также, что непріятель при нападеніи нашей Арміи на него 6-го октября, имѣлъ только 15000 человѣкъ. Для избѣжанія стыда предположена была его сила въ числѣ 50000!)

Между тѣмъ усиливалось мое болѣзненное состояніе; я былъ совершенно изнуренъ, и врачи совѣтовали искать мнѣ отдохновеніе. Я отнесся объ этомъ Князю Кутузову, испрашивая у него позволеніе оставить Армію для поправленія своего здоровья. Получивъ оное, отправился изъ Арміи 22 сентября, вечеромъ.

Сіе краткое изображеніе военныхъ дѣйствій достаточно объясняетъ, какимъ образомъ непріятель былъ предупрежденъ во всѣхъ его замыслахъ, удержанъ по возможности въ быстрыхъ его движеніяхъ и приведенъ къ степени, въ коей непремѣнно долженъ былъ подвергнуться совершенному истребленію. Потеря Москвы совершилась случайно и причинена обстоятельствами, коихъ исправленіе вышло уже изъ моей власти. Впрочемъ несомнѣнно, что сему городу слѣдовало содѣлаться могилою Наполеона, еслибъ не выпустили его изъ Московской губерніи.

Таблица баллов Русских фельдмаршаловъ.	Стратегія.	Тактики.	Предпріимчивости.	Хладнокровныя.	Личныя храбрости.	Итого балловъ.
Румянцовъ	11	11	8	12	10	52
Потемкинъ	8	7	10	8	8	41
Суворовъ	12	12	12	9	12	57
Вейстманъ	9	11	11	10	11	52
Ферзенъ	9	10	11	7	10	47
Розенбергъ	9	7	7	6	10	39
Репнинъ	6	6	3	9	7	31
Каменской (отецъ)	10	8	4	1	7	30
Циціановъ	8	8	10	7	11	44
Прозоровской	7	5	4	7	7	30
Буксгевденъ	9	7	6	8	10	40
Каменской (младшій)	8	8	7	4	7	34
Кутузовъ Смоленскій	10	10	7	10	10	47
Багратіонъ	5	8	10	11	11	45
Князь Барклай де-Толли	9	10	7	11	11	48

Личную храбрость я бы исключилъ, а вмѣсто ея поставилъ бы мужество, мужество въ исполненіи рѣшеннаго предпріятія, несмотря ни на какія частныя неудачи.—Суворову, кажется, слѣдовало бы поставить повыше баллы въ хладнокровіи. — Думаю, что вообще баллы нашихъ генераловъ надобно измѣнить, когда возьмемъ на себя трудъ сдѣлать масштабъ для нихъ изъ балловъ Кесаря, Фридриха и Наполеона.

Примѣчаніе Генералъ-Маіора Броневскаго.

Получено 5 августа.

Копія.

№ 176.
Рез. къ свѣдѣнію.

Получено 31 іюля въ полдень.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Главнокомандующій, донося ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о всѣхъ происшествіяхъ въ точномъ ихъ видѣ, не избавляетъ меня обязанности повергать къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА донесенія мои, хотя бы для того единственно, чтобы служить могли доказательствомъ образа моего понятія о всемъ томъ, что до положенія Арміи относится.

Отступленіе наше отъ Витебска, необычайною рѣшительностью произведенное, что бъ не дать ей именованія дерзости, тогда какъ иначе неизбѣжно было общее дѣло, приведя непріятеля въ недоумѣніе, доставило намъ возможность прибыть въ Смоленскъ. — 2-ая Армія грубою погрѣшностію маршала Даву, ожидавшаго нападенія въ Могилевѣ, послѣ жестокаго сраженія, храбрымъ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ даннаго, сокрывшая движеніе свое, безпрепятственно также прибыла къ Смоленску. Маршалъ Даву долженъ былъ прежде насъ занять Смоленскъ и безъ большихъ усилій, ибо въ Оршѣ были части войскъ, его Арміи принадлежавшихъ. Итакъ, неожидаемо и вблизи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ Арміи соединились. — ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! мы вмѣстѣ. — Арміи наши слабѣе числомъ непріятеля, но усердіемъ, желаніемъ сразиться, даже самымъ ослабленіемъ содѣлываемся не менѣе сильными. Нѣтъ возможности избѣжать сраженія всѣми силами, ибо непріятель не можетъ терять время въ праздности, могутъ приспѣть къ нимъ усилія, можетъ сблизиться Армія генерала Тормасова, не только опасная въ нынѣшнемъ ея отдаленіи и са-

мыми успѣхами ея ничего рѣшительнаго непроизводящая. До тѣхъ поръ, какъ станетъ на операціонной линіи непріятеля покрывшая себя славою Молдавская Армія, неравнодушный взглядъ непріятеля на себя привлекающая, можетъ получить опасное для него направленіе. ГОСУДАРЬ! наши способы не менѣе насъ самихъ онъ знаетъ. Нельзя медлить ему. Соглашенное всѣхъ Армій дѣйствіе, соединенныя всѣхъ способовъ напряженія гибельны для него. — Итакъ, уничтоженіе Арміи, въ преддверіяхъ, такъ сказать, Москвы стоящей, должно быть единственною его цѣлью.—Симъ не только умедливается составленіе нашихъ ополченій, но частію уничтожается, и угрожаемая Москва, какъ сердце Россіи, не можетъ не произвести вліяній на прочія страны Имперіи. На семъ основываетъ коварный непріятель свои разчисленія. ГОСУДАРЬ! Арміи ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА имѣли уже успѣхи: солдатъ неустрашимъ и мы Русскіе! но напряженіе всѣхъ возможныхъ усилій необходимо, малѣйшее медленіе опасно.

ГОСУДАРЬ! Арміи вмѣстѣ и два Начальника; но оба согласно предприняли наступленіе на непріятеля, разбросившаго на большое разстояніе свои силы.— Опредѣлено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное оживило духъ воиновъ еще бодѣе, и арміи двинулись на одинъ маршъ по направленію на Рудню.—Одной колонны, по причинѣ трудности путей, медленно было движеніе, и однимъ днемъ или однимъ маршемъ уменьшилась скорость дѣйствій нашихъ, а однимъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля — собрать свои силы, которыя, конечно, собираются по нашему направленію. Главнокомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ прежнее направленіе вправо къ Порѣчью для пріобрѣтенія частной выгоды, по предположенію вѣрной. Въ случаѣ превосходства непріятеля, имѣемъ мы вѣрное отступленіе. Подобныя предпріятія основы-

ваются на вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля; но я не скрою отъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, что, кромѣ свѣдѣній отъ плѣнныхъ или бѣжавшихъ мужиковъ, мы ничего не знаемъ.—Слѣдственно и предпріятія невѣрны. Наступленіе на Рудню болѣе имѣетъ голосовъ на сторонѣ своей, дѣйствіе на лѣвый непріятеля флангъ менѣе; можно сказать, что дѣйствіемъ на Порѣчье нападаемъ на конечность пространной линіи, слѣдовательно, и усиліе пункта сего нескоро и неудобно. Легко заставимъ отступить и на время отражаемъ сообщеніе съ корпусомъ маршала Удино, которому, конечно, послано подкрѣпленіе, но сіи выгоды мгновенны и нерѣшительны. Непріятель отступитъ на центръ свой, и операціонная линія его всегда въ его власти. Атакуя центръ, при счастіи, бросимъ часть силъ ихъ на трудные пути по лѣвому берегу Двины и, обратясь, имѣемъ удобность дѣйствовать на другую часть, по необходимости оторванную на большое разстояніе, слѣдовательно, приведенную въ то положеніе, въ каковомъ мы доселѣ находились. Вотъ, ГОСУДАРЬ, мнѣніе мое, ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ повелѣвшему мнѣ принять носимое мною званіе, нужное къ ВАШЕМУ свѣдѣнію.

ГОСУДАРЬ! нужно единоначаліе! хотя усерднѣе къ пользамъ отечества, къ защитѣ его, великодушнѣе въ поступкахъ, наклоннѣе къ пріятію предложеній быть невозможно достойнаго Князя Багратіона. Но не весьма часты примѣры добровольной подчиненности. ГОСУДАРЬ! Ты мнѣ прощаешь смѣлость мою въ изреченіи правды.

Вѣрноподданный (подписалъ) Артиллеріи генералъ-маіоръ Ермоловъ.

Іюля 27 дня
1812 г.

Копія съ письма къ Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву Артиллеріи генералъ-маіора Ермолова отъ 27 іюля 1812 года.

Я, почитая себя обязаннымъ представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ мнѣнія мои о дѣйствіяхъ Арміи, имѣю честь препроводить оныя Вашему Сіятельству съ тѣмъ, что если изволите вы найти ихъ достойными вниманія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, благоволили-бы ихъ представить. Если-же признать изволите ихъ безполезными—оставить или возвратить ихъ мнѣ. Я имѣю честь покорнѣйше объяснить Вашему Сіятельству, что я взялъ смѣлость писать не съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ открыть образъ мыслей моихъ относительно до положенія Арміи и предположенія о намѣреніяхъ непріятеля.— Я открываю удобность оцѣнить мои способности, ибо лучше хочу, что бы видѣнъ былъ недостатокъ оныхъ, нежели, скрывая, занимать недостойно мѣсто, по обстоятельствамъ слишкомъ важное и на которое нельзя сыскать человѣка слишкомъ способнаго.

Копія.

№ 157.
Рез. къ свѣдѣнію.

Получено 27 іюля отъ Князя Любомирскаго.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Должность, по волѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА при Арміи мною отправляемая, всѣ обстоятельства извѣстными дѣлая, меня обязываютъ повергнуть къ стопамъ ГОСУДАРЯ, мнѣ благотворящаго, мое относительное до положенія Арміи замѣчаніе.

Послѣ пяти дней, безполезно въ лагерѣ при Дриссѣ проведенныхъ въ намѣреніи приготовить продовольствіе войскамъ, Армія выступила въ Полоцкъ.—Между

тѣмъ, непріятель, представляя повсюду передовымъ нашимъ постамъ малыя весьма силы, спѣшилъ собрать главнѣйшія. Движенія на Полоцкъ было одно обѣщеваемое соединеніе со 2-ю Арміею.—Нужна была скорость.—На третьемъ отъ Полоцка къ Витебску переходѣ надобно было идти на Сенно и Кохоново.—Симъ движеніемъ, если еще и не соединились Арміи, но та по крайней мѣрѣ происходила выгода, что 1-ая Армія становилась уже на дорогу, идущую чрезъ Смоленскъ въ Москву, закрывала сердце Россіи и всѣ средства для дальнѣйшихъ мѣръ поставляла за собою.—Непріятель, какъ изъ послѣдствій видно, обратя въ Могилевъ главнѣйшія свои силы, безсиленъ былъ по прямому на Смоленскъ направленію. Непріятель, видя себя между двухъ Армій, на близкомъ разстояніи не могъ-бы дать сраженія, но долженъ былъ отступить. Главнокомандующій согласился было переправиться въ Будиловѣ чрезъ Двину, но отмѣнилъ по причинѣ недостатка продовольствія, и Армія двинулась къ Витебску; между тѣмъ, необычайной скорости Маршала, непріятельскія силы на третій день пребыванія Арміи въ Витебскѣ прибыли, и соединеніе Арміи болѣе нежели когда-либо содѣлалось сумнительнымъ.—Три дня сраженія продолжались упорнѣйшія съ довольно значущими силами Арміи нашей, и мы отступили къ Порѣчью. Далѣе Главнокомандующій не объявилъ еще направленія.—Непріятель можетъ быть прежде насъ въ Смоленскѣ, отбросивъ далеко 2-ую Армію; если непріятель предпріимчивъ, можетъ заградить намъ путь. Мы опрокинемъ и пройдемъ, но обозы Арміи подвергаются опасности.—Въ слѣдъ за ними идетъ непріятель, много превосходящій насъ силами. Трудны пути ему; войско его изнурено, но на семъ невозможно основывать успѣховъ: тѣ же трудности пути и для войскъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и для насъ не могутъ онѣ быть нечувствительны. Непрія-

тель имѣетъ числомъ ужасную кавалерію, наша чрезвычайно потерпѣла въ послѣднихъ дѣлахъ; отъ генерала Платова даже не одна партія съ нами не соединилась. — ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО! истинно сіе дѣлъ нашихъ изображеніе, точное положеніе Армій, опредѣлить какія средства предпринять должно къ уничтоженію усилий непріятеля. — ГОСУДАРЬ! 1-ая Армія одна противустать должна непріятелю, и безъ соединенія его съ другою его Арміею, несравненно сильнѣйшему. Успѣхъ сумнителенъ! Корпусъ Графа Витгенштейна безполезно отъ насъ отдаленъ. Если непріятель силенъ противъ его, то онъ слабъ сдержать его стремленіе, если онъ останется безъ дѣйствія, то слишкомъ силенъ его корпусъ, чтобы Армія нечувствовала его отдаленія.—ГОСУДАРЬ! необходимъ Начальникъ обѣихъ Армій. Соединеніе ихъ будетъ поспѣшное и дѣйствіе согласнѣе. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было одобрить смѣлость мою, съ каковою всегда говорилъ истину.—ГОСУДАРЬ! Ты одинъ изъ Царей, могущихъ слышать ее безбоязненно.

Вѣрноподданный (подписалъ): Начальникъ Главнаго Штаба 1-й Арміи генералъ-маіоръ Ермоловъ.

Іюля 16 дня
1812 г.
Лагерь Прив. Велидичи.

№ 47. *Копія.*

Къ свѣдѣнію. Получено 16 іюля.

Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Дружба ко мнѣ Вашего Сіятельства и благодѣянія, оказанныя мнѣ за время Вашего Министерства, воспоминаніе коихъ пребудетъ въ сердцѣ моемъ неизгладимымъ, поставляютъ меня въ обязанность просить извиненія, что я отправился изъ Дриссы не простив-

шись съ Вашимъ Сіятельствомъ, вотъ причины сему, кои однакожъ заставляютъ меня изложить здѣсь предъ Вами, Милостивый Государь, и другія обстоятельства.

Бывъ призванъ изъ Грузіи, чтобы имѣть блистательнѣйшее мѣсто, и получивъ на пути въ Вильну повелѣніе слѣдовать прямо изъ С.-Петербурга къ г. генералу Тормасову, для принятія при немъ должности Начальника Главнаго Штаба, я имѣлъ причины тогда же видѣть, сколько противъ меня интриговали, о чемъ Ваше Сіятельство изволите замѣтить изъ того, что г. генералъ Тормасовъ, просивъ самъ увольненія его изъ Грузіи, гдѣ въ первый разъ въ своей жизни имѣлъ онъ должность Главнокомандующаго корпусомъ, по возвращеніи его былъ сдѣланъ Членомъ Государственнаго Совѣта, получивъ новое украшеніе, и, наконецъ, назначенъ Главнокомандующимъ большой Арміи, а я, заступившій мѣсто его въ командованіи Грузіею, гдѣ, какъ осмѣливаюсь думать, былъ гораздо счастливѣе его, и вызванный оттоль, чтобъ, награжденнымъ за мои заслуги, я опредѣленъ былъ при немъ Начальникомъ Главнаго Штаба?! Признаюсь, что сіе обстоятельство меня огорчило, и я бы тотчасъ оставилъ службу, ежели-бы ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО неизреченнымъ ко мнѣ благоволеніемъ не склонилъ меня остаться до окончанія теперешней войны.

Принявъ по истинной покорности мѣсто Начальника Главнаго Штаба при 1-ой Западной Арміи, тогда-же, со стѣсненнымъ сердцемъ, увидѣлъ, что я былъ только простымъ исполнителемъ плановъ и распоряженій совершенно противныхъ понятіямъ моимъ о войнѣ, пріобрѣтеннымъ въ продолженіи 14-ти кампаній; вмѣстѣ съ симъ, по чистотѣ совѣсти моей, я тотчасъ тронутъ былъ тѣмъ, когда увидѣлъ въ службѣ моего САМОДЕРЖЦА измѣну, отъ намѣренія-ли или отъ величайшаго невѣдѣнія происшедшую, а между

тѣмъ, замѣтилъ я, что Г. Военный Министръ не имѣлъ той довѣренности, которую по учрежденію для большой дѣйствующей Арміи Главнокомандующій долженъ имѣть къ Начальнику Главнаго Штаба.—Примѣромъ сему поставляются, что Полковникъ Закревскій и флигель-адъютантъ Фольцогенъ получали и отдавали приказанія, коихъ я не зналъ; маршруты составляемы были другими безъ меня, не уважая и того, что я, служа нѣсколько лѣтъ по Квартирмейстерской части, пріобрѣлъ довольно знанія по оной. Размѣщеніе генералъ-адъютантомъ Графомъ Ожаровскимъ мимо меня войскъ въ лагерѣ при Дриссѣ не могло относиться на счетъ званія моего, потому что я умѣлъ-бы сдѣлать сіе лучше; ибо къ стыду военнаго ремесла аванпосты были расположены столь близко отъ войска, что во всякое время тревоги, замѣшательства могли-бы быть въ лагерѣ и въ квартирѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.—Шпіонство при Арміи было отъ меня скрыто. Распоряженій о продовольствіи войскъ я не зналъ. — И наканунѣ того дня, какъ я просилъ увольненія меня отъ должности, велѣно было послать разъѣзды для рекогносцированія, построить новый мостъ, даны были повелѣнія о высылкѣ авангарда отъ корпуса генерала Дохтурова и многія другія распоряженія сдѣланы были мимо меня. Итакъ, видя 1-ое, что Г. Военный Министръ не имѣлъ ко мнѣ должной довѣренности, коей, по званію моему и по установленію правилъ для большой дѣйствующей Арміи, я не долженъ былъ лишаться; 2-ое, что дѣланныя распоряженія были совершенно несогласны съ моимъ мнѣніемъ, и 3-е, употребленіе меня, сверхъ моей должности, даже въ дѣлахъ изнурительныхъ, коимъ здоровье мое соотвѣтствовать не могло, сдѣлано, какъ я полагать долженъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поставить меня въ невозможность продолжать службу, почему я принужденнымъ нашелся отказаться отъ должности Началь-

ника Главнаго Штаба. А какъ мнѣніе мое о военныхъ дѣйствіяхъ принято было многими генералами, то, дабы не сочтенъ былъ противъ воли моей Начальникомъ партіи, долженъ былъ искать удаленія изъ Арміи, гдѣ сверхъ того не могъ быть покойнымъ зрителемъ многихъ дѣлъ, противныхъ моей мысли. Изъ сего Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, достойно-ли мое поведеніе какого-либо обвиненія, но напротивъ льщу себя надеждою, что Вы, Милостивый Государь, найдете причины продолжать драгоцѣннѣйшее для меня Ваше расположеніе.

Г. Военный Министръ по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію приказалъ мнѣ немедленно слѣдовать сюда для формированія шести полковъ. Вмѣсто того сіе поручено г-ну генералъ-лейтенанту Клейнмихелю, который получилъ уже подтвердительное столь повелѣніе, послѣдовавшее по отбытіи моемъ изъ Арміи. По сему предмету имѣя необходимость объяснить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство поднести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ включаемое у сего письмо мое и испросить ВЫСОЧАЙШЕЕ разрѣшеніе.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ чувствованіяхъ истиннаго моего къ Вамъ высокопочитанія и глубочайшей преданности, съ коими имѣю честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга

Подписалъ: Маркизъ Паулуччи.

14-го іюля 1812 г.
Г. Новгородъ.

Письмо М. Б. Барклая де-Толли къ Князю П. И. Багратіону [1]).

Милостивый Государь,
Князь Петръ Ивановичъ.

Я имѣлъ честь получить письмо Ваше чрезъ г. Армфельда и спѣшу Вамъ отвѣчать съ тою-же откровенностію, съ которою и Ваше Сіятельство со мною изъясняетесь и которая должна быть принята знакомъ взаимнаго уваженія и свойственна однимъ только солдатамъ.

Никто въ томъ сомнѣваться не можетъ, что непреодолимыя препятствія преградили Вамъ путь къ скорѣйшему соединенію.—Самыя дѣйствія непріятельскія противу Васъ сіе доказываютъ, и я никогда на этотъ счетъ разсужденій моихъ не дѣлалъ и еще менѣе того оффиціально не представлялъ, а единственно только отъ искренняго сердца желалъ, чтобы Арміи скорѣе сближались, яко единственное средство дать сей войнѣ лучшій оборотъ. Самыя движенія ввѣренной мнѣ Арміи суть сему доказательствомъ.—Я, имѣвъ непріятеля въ тылу и на правомъ флангѣ, сражаясь ежедневно съ нимъ, спѣшилъ форсированными маршами къ тѣмъ пунктамъ, изъ коихъ я въ состояніи былъ обратить вниманіе Маршала Даву на меня и тѣмъ нѣсколько Васъ облегчить.

Послѣ всего этого, оставляю Вамъ самимъ разсуждать, не долженъ ли я быть оскорбленъ сужденіемъ Вашимъ на счетъ 1-ой Арміи, въ рапортѣ Вашемъ къ ГОСУДАРЮ изъясненнымъ.—Вотъ причина моего ра-

---

[1]) Сіе письмо къ Князю Багратіону все собственной руки Барклая де-Толли; оно отправлено изъ деревни Холмъ, предъ соединеніемъ Арміи его съ Арміею Князя Багратіона.—Получено Кн. Багратіономъ 20 іюля 1812 г. въ деревнѣ Каховской чрезъ фельдъегеря Березовскаго.

порта къ ГОСУДАРЮ (который я въ копіи къ Вамъ препровождаю [1]).

Теперь, Ваше Сіятельство, быстрыми Вашими движеніями желаемая цѣль достигнута. Смоленскъ, — прямѣйшій трактъ къ Москвѣ, прикрытъ, и Ваше Сіятельство тѣмъ оказали одну изъ важнѣшихъ услугъ Государству и Отечеству.

Позвольте теперь Васъ просить предать все забвенію, что между нами могло производить неудовольствіе.—Мы, можетъ статься, оба неправы, но польза службы и ГОСУДАРЯ и Отечества нашего требуютъ истиннаго согласія между тѣми, коимъ ввѣрено командованія Арміи.

Прошу Ваше Сіятельство быть увѣреннымъ, что почтеніе и уваженіе мое къ Вамъ останется всегда непоколебимо.

Я 21-го ч. надѣюсь соединиться подъ Смоленскомъ съ корпусомъ генерала Дохтурова, присоединю къ себѣ Платова, о коемъ я уже нѣсколько дней никакого свѣдѣнія не имѣю; обезпечу свое продовольствіе и тогда рѣшительно начну дѣйствовать наступательно, дабы прогнать и опрокинуть все то, что за мною слѣдуетъ.

Съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Подписалъ: Барклай де-Толли.

Іюля 19 дня 1812 года
на маршѣ при дер. Хомесъ.

P. S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю времени того, въ которомъ честь имѣть буду видѣться лично съ Вашимъ Сіятельствомъ и согласить съ Вами общія наши дѣйствія. Я не могу Вашему Сіятельству изъяснить, сколько мнѣ больно, что между нами могло существовать не-

---

[1]) См. донесеніе ГОСУДАРЮ.

согласіе. — Прошу Васъ все забыть и рука въ руку дѣйствовать на общую пользу Отечества.

Письма А. П. Ермолова къ Князю П. И. Багратіону.

№ 1-й, получено 30-го іюля, въ Приказѣ Видра.

Милостивый Государь,
Князь Петръ Ивановичъ.

Я читалъ бумагу Военнаго Министра къ Вашему Сіятельству. Все оправданіе нашей нерѣшимости, медленности предпринимаемыхъ не у мѣста мѣръ есть намѣреніе продолжать, какъ думаетъ онъ, войну, дабы дать время составить новыя ополченія. — Намѣреніе наиболѣе къ обстоятельствамъ приличествующее и спасительное, но я спрошу смѣло каждаго, отняты ли у непріятеля между тѣмъ способы атаковать насъ? кажется выгода его не терять время.

Я дорожу за послѣдствіе, а Ваше Сіятельство не должны молчать о томъ. Вы можете говорить и далѣе. Славнѣйшая, столькими дѣлами пріобрѣтенная репутація, надежда, возложенная на довѣреніе и любовь къ Вамъ войскъ, извѣстность всей Россіи, даютъ Вамъ права, которыхъ никто другой не имѣетъ. Все Васъ должно заставить говорить и быть услышану.

Мы не знаемъ, что мы дѣлаемъ, а кажется дѣлаемъ не то, что надобно. Дали непріятелю собрать свои силы, которыя онъ потому даже употребитъ въ дѣйствіе, что, содержа ихъ вмѣстѣ, нечѣмъ кормить, кромѣ того, что движеніями насъ запутаетъ, и я боюсь, чтобы опять не бросили насъ въ разныя стороны.

Сдержите Ваше слово, благодѣтель мой, не отставайте отъ насъ, чтобъ насъ не разрѣзали; а насъ не опасайтесь, мы съ своимъ молодечествомъ и искусствомъ недалеко уйдемъ отъ васъ.

Дай Богъ попасть на Духовщину, а Вамъ нехудо помышлять о Дорогобужѣ. Къ намъ безпрестанно дохо-

дятъ слухи, что непріятеля немалы силы въ Порѣчьѣ и что вчера въ 40 отсюда верстахъ было очень много пѣхоты съ артиллеріею. Сію минуту привели камердинера одного дивизіоннаго командира, въ 6-ти верстахъ отъ Порѣчьяго пойманнаго, который говоритъ, что ихъ тамъ и Мюратъ тамъ же.—Что мы будемъ дѣлать; обо всемъ Васъ, благодѣтеля моего, увѣдомляю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
Милостивый Государь
всепокорнѣйшій слуга
Подписалъ: Алексѣй Ермоловъ.

№ 2-й, получено 31-го іюля,
въ Приказѣ Видра.

Милостивый Государь,
Князь Петръ Ивановичъ.

Я говорилъ Министру, что Вы желаете, чтобы Армія, имѣя честь служить подъ Вашими повелѣніями, имѣла несчастіе Васъ лишиться (не понравилось), что хотите сдать команду; это ему не только не понравилось, но кажется мнѣ, что онъ испугался, ибо подобное происшествіе трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что Вы не оставили бы Арміи, если бы не было безтолочи и конечно каждый вразумится, что частныя неудовольствія не могутъ имѣть мѣста.—Я замѣтилъ, что сіе предложеніе его даже испугало, ибо въ послѣдствіи можетъ быть надобно будетъ дать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи.—Конечно мы счастливы, существуя подъ кроткимъ правленіемъ ГОСУДАРЯ Милосердаго, но нынѣшнія обстоятельства, состояніе Россіи, выходящее изъ порядка обыкновеннаго дѣлъ, поставляютъ и насъ въ обязан-

ности и въ соотношенія необыкновенныя; не одному уже ГОСУДАРЮ давать надобно будетъ людямъ такимъ, каковы Ваше Сіятельство и Военный Министръ, — отчетъ въ своихъ дѣлахъ, но самому Отечеству.—Вамъ, какъ человѣку боготворимому подчиненными, тому, на коего возложена надежда многихъ и Россіи, я обязанъ говорить истину, Вамъ несовмѣстно принимать частныя неудовольствія къ сердцу, какъ все стремленіе должно быть къ пользѣ общей и когда одно сіе можетъ быть спасеніемъ Отечеству.

Пишите обо всемъ ГОСУДАРЮ. Если подобныхъ мнѣ не достигаетъ голосъ до Его Престола, Вашъ не можетъ быть не услышанъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть и проч.

Подписалъ: Алексѣй Ермоловъ

30-го іюля 1812 года.

№ 3-й, получено 1-го августа 1812 года.

Милостивый Государь,
Князь Петръ Ивановичъ.

Несправедливо вините меня, благодѣтель мой, будто я началъ писать уже дипломатическимъ штилемъ. Я Вамъ говорю, какъ человѣку—котораго—нѣтъ человѣка, кто бы не зналъ и даже живущіе въ отдаленіи въ Россіи; говорю тому, на котораго не безъ основанія полагаетъ Отечество надежду, тому, котораго и ГОСУДАРЬ уважаетъ, и которому, конечно, вѣритъ.—Вы согласуетесь съ предложеніями Министра, не хочу сказать, что Вы повинуетесь ему; но пусть и такъ въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, я стану на колѣна предъ скромностью и умѣренностію Вашею.— По крайней мѣрѣ то, что пишете Вы къ человѣку, или слишкомъ привязанному къ своимъ мнѣніямъ, или слишкомъ надѣевающемуся на себя, или наконецъ не-

внемлющему и неразумѣющему важности обстоятельствъ, пишите Ваше Сіятельство Бога ради,—ради Отечества пишите ГОСУДАРЮ.—Вы исполните обязанность Вашу относительно къ нему, Вы себя оправдаете предъ Россіею.—Я молодъ, мнѣ не станутъ вѣрить.—Я буду писать, не заслужу вниманія; буду говорить, почтутъ недовольнымъ, осуждающимъ все новое, осрамятъ и бросятъ. Но вѣрьте Ваше Сіятельство, что это меня не устрашаетъ.—Когда гибнетъ все, то грозитъ Отечеству срамъ, не только опасность, тамъ нѣтъ боязни частной, тамъ нѣтъ выгодъ личныхъ.—Я не боюсь и отъ Васъ не скрою, что писалъ, но молчаніе слишкомъ продолжающееся есть уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодого человѣка. Я буду писать еще и все, что Вы дѣлали и въ чемъ встрѣчено Вами препятствіе изображу.—Я люблю Васъ, Вы благодѣтельствовали мнѣ, а потому самого ГОСУДАРЯ спрошу я, писали ли Вы къ Нему или хранили виновное молчаніе? Такъ, достойнѣйшій Начальникъ! Вы будете виноваты. Если Вы не хотите, какъ человѣкъ усматривающій худое дѣлъ состояніе, разумѣющій тягость отвѣтственности взять на себя командованіе, я Васъ при всемъ уваженіи моемъ разумѣть буду великодушнымъ уступить другому, но, согласитесь на то, тогда только назначится человѣкъ, по обстоятельствамъ приличный.

Пишите, Ваше Сіятельство, или молчаніе Ваше будетъ обвинять Васъ.

Подписано: Душею преданный Алексѣй Ермоловъ.

№ 4-й, получено 6-го августа на маршѣ отъ Смоленска къ Дорогобужу.

Ваше Сіятельство!

Имѣете право насъ бранить, но только за оставленіе Смоленска, а послѣ мы вели себя какъ герои! правда, что не совсѣмъ благоразумно, но и тогда

можно быть еще героями.—Когда буду имѣть счастье Васъ видѣть, разскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ необходимо надобно было защищать, но замѣтьте Ваше Сіятельство, что ихъ доселѣ нѣтъ въ Ельнѣ, слѣдовательно всѣ были они у Смоленска, а мы не такъ были сильны послѣ суточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ предупредили мы Ваше желаніе.

Вамъ угодно было, чтобы мы остановилися, дрались, прежде полученія письма Вашего получилъ уже я о томъ приказаніе. Почтеннѣйшій благодѣтель! теперь Вамъ предлежитъ дать намъ помощъ. Пусть согласіе доброе будетъ залогомъ успѣха. Богъ благословитъ предпріятіе наше, если онъ защищаетъ сторону правую, намъ будетъ помощникомъ.—Представьте Ваше Сіятельство, что два дни рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ Имперіи, что Вамъ судьба представляетъ сію славу и самая неудача не должна бы отнять у насъ надежду. Надобно противостоять до послѣдней минуты существованія каждаго изъ насъ. Одно продолженіе войны есть способъ вѣрнѣйшій восторжествовать надъ злодѣями Отечества нашего.

Боюсь, что опасность, грозя древней нашей столицѣ, заставитъ прибѣгнуть къ миру. Но сіи мѣры слабыхъ и робкихъ. Все надобно принести въ жертву съ радостью, когда подъ развалинами можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели Отечества нашего. Благоволитъ Богъ! Умереть Россіянинъ долженъ со славою.

Преданнѣйшій слуга

Подписалъ: А. Ермоловъ.

P. S. Не гнѣвайтесь, что удержалъ посланнаго.

Собственноручное письмо Гр. Ф. В. Растопчина къ Князю П. И. Багратіону.

От 12-го августа. Москва.

Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо Вашего Сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ: ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ.— Городъ дивился очень бездѣйствію нашихъ войскъ противъ нуждающагося непріятеля. Но лучше бы ничего еще не дѣлать, чѣмъ выигрывать баталію, предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ Васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ Начальствъ и зависти ко взаимнымъ успѣхамъ; а такъ какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣръ не знаетъ, то и увѣрило само себя, что Барклай измѣнникъ. Теперь должно уже у Васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска. Москва, предметъ дѣйствій непріятельскихъ, или Петербургъ, а мнѣ кажется, что онъ, держа Васъ тамъ, гдѣ Вы станете отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ Петербургской изъ Москвы дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы пересѣкая сообщенія, нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ русской. Главная его пружина—вольность—не дѣйствуетъ, и о ней лишь изрѣдка толкуетъ пьяницы. Ополченіе здѣшнее готово, и завтра 6.000 будутъ на бивакѣ; остальные же сводятся къ Вереѣ и Можайску. Ружей, пороху, свинцу пропасть; пушекъ 145 готовыхъ, а патроновъ 1.980.000; я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву.—Когда бы случилось, что бы Вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ Государственныхъ вещей и дамъ на волю убираться; а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ Отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ, и если Богъ ему не поможетъ въ его бла-

гомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому праву, не доставайся злодѣю, обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ недурно и ему дать знать, чтобъ онъ не считалъ милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимая Васъ дружески и по русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій.

Вашъ преданный

Подписалъ: Графъ Растопчинъ.

Господину Главнокомандующему 2-ою Западною Арміею, Генералу-отъ-Инфантеріи и Кавалеру Князю Багратіону [1]).

Дошедшее ко мнѣ отъ Профессора Дерптскаго Университета, Коллежскаго Совѣтника Гецеля письмо, съ изъясненіемъ двухъ мѣстъ изъ Апокалипсиса, имѣю честь препроводить въ копіи къ Вашему Сіятельству, для такого употребленія, какое Полевой Оберъ-Священникъ Арміи, Вамъ ввѣренной, руководствуясь внушеніемъ Религіи и благоразуміемъ своимъ, признаетъ приличнымъ.

Подписалъ: Военный Министръ Барклай де-Толли.

№ 1159-й
26-го іюля 1812 г.

Копія.

Милостивый Государь.

Если бы можно было вселить въ Императорское Россійское воинство то увѣреніе, что оно Провидѣніемъ избрано къ прекращенію въ нынѣшнемъ 1812 году тѣхъ бѣдствій, кои Наполеонъ навлекъ на всю Европу, то сіе усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержаніе побѣды.

---

[1]) Оставлено Княземъ Багратіономъ безъ всякаго употребленія.

Таковое увѣреніе можетъ произведено быть въ дѣйство чрезъ прилагаемое присемъ кабалистическое изъясненіе двухъ мѣстъ Апокалипсиса Св. Апостола Іоанна, т. е. главы 13-ой ст. 18 и 5, если полковые священники благоразумно разгласятъ оное.

А какимъ образомъ сіе всячески достопамятное изъясненіе должно быть въ войскѣ разглашено, раздачею ли печатныхъ листовъ на Россійскомъ языкѣ или только изустнымъ отъ Духовенства внушеніемъ, то предоставляю вышнему благоусмотрѣнію.

На всякій же случай прошу Ваше Высокопревосходительство быть увѣренныъ, что мое намѣреніе есть благое и патріотическое, кое осмѣлился я представить во упованіи, что не будетъ осуждено ни отъ Его Императорскаго Величества, ни отъ Вашего Высокопревосходительства.

Имѣю честь быть и проч.

Подписалъ: Вильгельмъ Фридрихъ Гецель, Коллежскій Совѣтникъ и Профессоръ Дерптскаго Университета.

Въ Дерптѣ.
11 іюля 1812 г.

Въ Апокалипсисѣ Св. Іоанна Богослова находится одно достопамятное пророчество о паденіи Наполеона въ семъ 1812 году, а именно на слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ главѣ 13-й въ стихѣ 18-мъ. Здѣсь мудрость, иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино; число бо человѣческо есть, и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть.

И той же главы въ стихѣ 5-мъ, и даны быша ему уста глаголюща велика и хульна.

И даны бысть ему область творити мѣсяцъ четыредесятъ два.

Какъ въ имени и титулѣ звѣриномъ, кои на французскомъ языкѣ изображаются сими словами: L'Empereur

Napoléon,—такъ и въ числѣ четыредесяти двухъ, кои на ономъ же языкѣ пишутся словами: quarante deux, находятся оба раза число 666, которое опредѣлено въ помянутой главѣ стихѣ 18-мъ Апокалипсиса.

Французскія буквы, подражая Европейскому числоизображенію, по которому десятью первыхъ буквъ означаются единицы, а прочими десятки, имѣютъ слѣдующее значеніе:

a,	b,	c,	d,	e,	f,	g,	h,	i,	k,	l,	m,	n,	o,	p,	q,
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	20.	30.	40.	50.	60.	70.

r,	s,	t,	u,	v,	w,	x,	y,	z,
80.	90.	100.	110.	120.	130.	140.	150.	160.

А изъ того выходитъ слѣдующее:

L	20.	q	70.
e	5.	u	110.
E	5.	a	1.
m	30.	r	80.
p	60.	a	1.
e	5.	n	40.
r	80.	t	100.
e	5.	e	5.
u	110.	d	4.
r	80.	e	5.
N	40.	u	110.
a.	1.	x	140.
p	60.		666.
o	50.		
l	20.		
e	5.		
o	50.		
n	40.		
	666.		

Итакъ, Наполеонъ есть тотъ звѣрь, который въ Апокалипсисѣ числомъ 666 означается и коего вѣку славы предѣлъ положенъ числомъ 42-мя, ибо въ нынѣшнемъ году число лѣтъ его отъ роду есть точно 42.

Отношеніе Военнаго Министра къ Князю Багратіону.

Секретно.

Милостивый Государь,

Князь Петръ Ивановичъ.

По Высочайшему повелѣнію имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно, дабы назначенный во ввѣренную Вамъ Армію Корпуснымъ Командиромъ 8-го Корпуса Генералъ-отъ Инфантеріи Графъ Каменскій былъ всегда въ виду Вашего Сіятельства; почему Корпусъ, ему ввѣренный, никогда не отдаляйте, а имѣйте оный всегда тамъ, гдѣ, Ваше Сіятельство, сами присутствовать будете, для того, чтобы Графъ Каменскій не могъ, по природному своему обыкновенію, дѣлать по службѣ никакихъ прихотей и лишняго взысканія съ своихъ подчиненныхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Подписалъ: Барклай де-Толли.

№ 1-й.
Апрѣля 17 дня 1812 г.
Вильно.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Начальника Главнаго Штаба 2-ой Западной Арміи Генералъ-Адъютанта Графа Сентъ-Пріеста.

Рапортъ.

Съ горестнымъ сокрушеніемъ сердца осмѣливаюсь донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что Главнокомандующій 2-ю Западною Арміею, Генералъ-отъ-Инфантеріи Князь Багратіонъ, послѣ полученной имъ 26-го минувшаго Августа на полѣ сраженія у деревни Семеновской жестокой раны въ лѣвую ногу, волею Божіею сего Сентября 12-го числа пополудни въ 1-мъ часу скончался Владимірской Губерніи въ селѣ

Симахъ, принадлежащемъ Генералъ-Лейтенанту Князю Борису Голицыну.

При семъ повергаю къ священнымъ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА черезъ Адъютанта его, Л.-Гв. Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистра Князя Меньщикова подробное описаніе раны и болѣзненнаго состоянія покойника.

А какъ онъ самъ о погребеніи своемъ не сдѣлалъ никакого назначенія, то я рѣшился, совершивъ оное надъ нимъ по Христіанскому обряду, положить тѣло его въ склепу въ здѣшней церкви Св. Дмитрія, ожидая впредь ВЫСОЧАЙШАГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнія, гдѣ и какъ совершить погребеніе съ подобающею толико знаменитому Герою честію.

14-го сентября 1812 г.
Село Симы.

Письмо Графа Ф. В. Растопчина къ Князю П. И. Багратіону, отъ 6-го августа.

Изъ Матушки Каменной Москвы.

Ну-ко, мой отецъ, Генералъ по образу и подобію Суворова! поговоримъ-ка съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ! что сдѣлано, тому такъ и быть. Да не шалите Вы впередъ и не выкиньте такой штуки, какъ встарину Князь Трубецкой и Пожарской.—Одинъ смотрѣлъ, какъ другого били. Подумайте, что здѣсь дѣло не въ томъ: бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты! Вамъ слава безсмертная: спасеніе отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣя рода человѣческаго. Благодаренъ зело за письмецо. — Въ Москвѣ говорятъ: дай лишь волю, а Багратіонъ пужнетъ. Мнѣ все кажется, что онъ Васъ займетъ, да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ, пить Невскую воду. Милорадовичъ съ 31.000 славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску. У меня здѣсь до 10.000 изъ рекрутъ фор-

мируется. Силы Московской въ семи смежныхъ губерніяхъ до 120.000. И тутъ прелихая есть конница. У обезьяны Лобанова 26.000 свѣжей пѣхоты. Деньги есть на нужду и хлѣба будетъ до сыта. Неужели послѣ этого и съ всѣмъ этимъ Москву осквернитъ Французъ! онъ говорилъ, что про . . . . . . ъ Россію и сдѣлаетъ изъ ней бл . . . ь, а мнѣ кажется, что она цѣл . . й останется. Ваше дѣло ее сберечь! а наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что я и самъ дивлюсь. Щастіе, что любятъ и слушаются. Пришаливаютъ французы, сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ; потомъ посылалъ за городъ гулять въ Пермь и въ Оренбургъ.—Не унимаются. Ну и пошелъ драть, заговорилъ мой поваръ Турне о вольности и что затѣмъ идетъ Наполеонъ. Люди мои тотчасъ донесли: на другой день Турне на конной отдули плетьми и въ Тобольскъ; опять заговорилъ M-r Mouton. Этого люди въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, сперва побили, а потомъ привели на Съѣзжую, этого отдуютъ кнутомъ.—Впрочемъ злоба къ Бонапарту такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ.—И эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Князь Кирила на старости лѣтъ пустился сводничать невѣстами, хочетъ женить Хованскаго Князя Василья Алексѣевича на вдовѣ Мамоновой, и ему же помогаетъ тутъ Циціановъ Князь Дмитрій Евсѣевичъ. Я право въ усъ не дую, мнѣ все кажется, что это дурной сонъ, а страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ.

Засимъ обнимаю
и точно пребываю
безъ словъ и безъ лести
и просто по чести
Вашъ преданный

Подписано: Графъ Ф. Растопчинъ.

P. S. Тѣхъ Офицеровъ, кои ранены и могутъ доѣхать до Москвы, присылайте прямо ко мнѣ, я тремъ стамъ найду покой, въ моемъ домѣ городскомъ на Лу-

бянкѣ 50 кроватей, и всѣ хотятъ ходить и беречь героевъ защитниковъ отечества.

Собственноручнымъ Рескриптомъ къ Графу Михаилу Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову.

Отъ 12-го декабря 1811 года Г-рь упрекалъ его, что мирная негоціяція не впередъ подвигается, но назадъ; прекращеніе военныхъ дѣйствій послѣдовало единственно по согласію Визиря на извѣстныя кондиціи, кои Турки отвергаютъ. Почему если Турецкіе Полномочные не склоняются къ принятію предлагаемыхъ нами кондицій, то объявить имъ, что Султанъ, не одобривъ предварительныя условія, на которыя Визирь согласился, Г(осударь) имѣетъ равное право не одобрить капитуляцію, сдѣланную Кутузовымъ о принятіи Турецкаго войска въ нашъ присмотръ; и если засимъ Полномочные не примутъ нашихъ кондицій, считать оный Корпусъ (съ окружнымъ нашими на лѣвой стороны Дуная) совершенно военноплѣннымъ, и препроводить оный въ Россію, не подписывать мира иначе, какъ на предписанныхъ отъ Г. условіяхъ, объявить Турецкимъ Полномочнымъ, что военныя дѣйствія тотъ же часъ начнутся, къ чему все нужное приготовить.

Собственноручнымъ указомъ генералу-отъ-инфантеріи и Главнокомандующему Молдавскою Арміею Графу Кутузову отъ 16-го февраля 1812 г. повелѣно: Если посылка Шведскаго Курьера не произведетъ желаемаго послѣдствія, то, желая кончить рѣшительно войну съ Портою, не нахожу лучшаго средства для достиженія сей цѣли, какъ произвести сильный ударъ подъ стѣнами Цареграда совокупно морскими и сухопутными силами; для чего и опредѣляю три дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дюка де-Режилье, именно 12-го и 13-го и изъ Арміи Вашей К. Багратіона выбывшую 12-го, симъ двумъ Дивизіямъ

Вашей Арміи дайте повелѣніе слѣдовать немедленно по посылаемымъ маршрутамъ отъ Военнаго Министра 9-го въ Одессу, гдѣ уже все приготовлено къ посаженію ея на суда, а 15-го къ опредѣленному ей назначенію. О семъ можете по откровенности сообщить Шведскому Чиновнику.

Собственноручнымъ Секретнымъ Рескриптомъ къ Графу Михаилу Ларіоновичу отъ 22 марта 1812 г. дано знать: „обстоятельства часъ отъ часу становятся важнѣе и для обѣихъ Имперій величайшую услугу Вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портою. Убѣдительнѣйше Васъ вызываю любовію къ своему отечеству обратить все вниманіе и усилія Ваши къ достиженію сей цѣли. Слава Ваша будетъ вѣчная; всякая потеря времени въ настоящихъ обстоятельствахъ есть совершенное зло. Отстраните всѣ побочныя занятія и съ тѣмъ проницаніемъ, коимъ Вы одарены, примитесь сами за сію столь важную работу.

Для единственнаго Вашего свѣдѣнія сообщаю Вамъ, что если-бы невозможно было склонить Турецкихъ Полномочныхъ подписать трактата по нашимъ требованіямъ, то, убѣдясь напередъ вѣрнымъ образомъ, что податливость съ Вашей стороны доставитъ заключеніе мира, можете Вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ въ Азіи. Въ самой-же крайности дозволяю Вамъ заключить миръ, положа Прутъ на впаденіе онаго въ Дунай границею. Но сіе дозволеніе ввѣряю личной Вашей отвѣтственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо безъ изъятія не было извѣстно о семъ до самаго часу подписанія. На сію столь важную уступку однако-же неиначе позволяю Вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою.

Я надѣюсь, что Вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите изъ виду ничего нужнаго къ достиженію желаемой цѣли.

Князь Михаилъ Ларіоновичъ! Знаменитый Вашъ подвигъ въ сраженіи главныхъ силъ непріятельскихъ, дерзнувшихъ приблизиться къ древней нашей столицѣ, обратилъ на сіи новыя заслуги Ваши Мое и всего отечества вниманіе.

Совершить начатое столь благоразумное дѣло Вами, пользуясь пріобрѣтеннымъ преимуществомъ и не давая непріятелю оправляться. Рука Господня да будетъ надъ Вами и надъ храбрымъ нашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей, а вся Европа своего спокойствія.

Въ вознагражденіе достоинствъ и трудовъ Вашихъ возлагаемъ Мы на Васъ санъ генералъ-фельдмаршала; жалуемъ Вамъ единовременно сто тысячъ рублей и повелѣваемъ супругѣ Вашей Княгинѣ быть Двора Нашего Статсъ-Дамою.

Всѣмъ бывшимъ въ семъ сраженіи нижнимъ чинамъ жалуемъ по 5-ти рублей на человѣка. Мы ожидаемъ отъ васъ особеннаго донесенія о сподвизавшихся съ Вами Главныхъ Начальникахъ, а вслѣдъ за онымъ и обо всѣхъ прочихъ чинахъ, дабы по представленіи Вашемъ сдѣлать имъ достойную награду.—Пребываемъ къ Вамъ благосклоннымъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
Августа 31 дня
1812 года.

Князь Михайло Ларіоновичъ! Изъ послѣдняго донесенія Вашего усматриваю, съ какимъ постояннымъ мужествомъ войска, Вамъ ввѣренныя, преодолѣвали быстрыя на нихъ нападенія 24 и 26 сего августа и сколь значительно должна простираться потеря непріятеля убитыми и ранеными.

Основываясь на семъ заключеніи, остаюсь въ надеждѣ, что военная прозорливость Ваша, преградивъ успѣхи непріятеля, удержитъ и дальнѣйшее его вторженіе.

Въ сіе самое время счелъ я полезнымъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя примѣчанія для операціоннаго плана наступательныхъ дѣйствій Арміи генерала Тормасова, адмирала Чичагова и Корпусовъ Графа Витгенштейна и Графа Штейнгеля, отдѣляемаго изъ Риги, гдѣ состоящій нынѣ корпусъ усилится прибывшими изъ Финляндіи войсками и проч.

Все сіе отправляю я къ Вамъ съ флигель-адъютантомъ моимъ полковникомъ Чернышевымъ, коему, по извѣстной мнѣ его скромности его въ испытанныхъ уже прежде сего порученіяхъ, прочтенъ мною проектъ сего плана, дабы онъ могъ, по требованію Вашему, дать Вамъ всѣ нужныя объясненія. Если планъ сей Вами признанъ будетъ полезнымъ, то отправьте флигель-адъютанта Чернышева къ адмиралу Чичагову.

А.

СПБ.
Августа 31 дня
1812 г.

Собственноручный Рескриптъ:

Князь Михайло Ларіоновичъ! Съ 29-го августа не имѣю никакихъ донесеній отъ Васъ, между тѣмъ отъ 1-го сентября получилъ я чрезъ Ярославль отъ Московскаго Главнокомандующаго печальное извѣстіе, что Вы рѣшились съ Арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе Ваше усугубляетъ мое удивленіе.

Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта Князя Волконскаго, дабы узнать отъ Васъ о положеніи Арміи и о побудившихъ Васъ причинахъ къ такой несчастной рѣшительности.

А.

СПБ.
7 сентября
1812 г.

Собственноручный Рескриптъ:

Князь Михайло Ларіоновичъ! Со 2-го сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣднія Ваши рапорты отъ 20 (№ Ст. Г.); и въ теченіе всего сего времени нетолько, что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія сей первопрестольной столицы, но даже по послѣднимъ рапортамъ Вашимъ, Вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ и Тула съ знаменитымъ и столь для Арміи необходимымъ своимъ заводомъ въ опасности!

По рапортамъ-же отъ генерала Винценгероде вижу Я, что непріятельскій десятитысячный Корпусъ подвигается по Петербургской дорогѣ. Другой, въ нѣсколькихъ тысячахъ, также подается къ Дмитріеву; третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ; четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ; Наполеонъ-же самъ по 25-ое число находился въ Москвѣ.

По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ съ своею Гвардіею, возможно-ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся предъ Вами, были значительны и не позволяли Вамъ дѣйствовать наступательно?

Съ вѣроятностію на противъ того должно полагать, что онъ Васъ преслѣдуетъ отрядами, или по крайней мѣрѣ Корпусомъ гораздо слабѣе Арміи, Вамъ ввѣренной.—Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами, могли-бы Вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе Васъ и истребить онаго; или по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыя и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ нашихъ городовъ.

На Вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ, для угроженія сей столицѣ, въ которой не могло остаться много войска; ибо со ввѣренною Вамъ Арміею, дѣйствуя съ рѣшительностію и дѣятельностію, Вы имѣете всѣ средства отвратить сіе новое несчастіе; вспомните, что Вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы.

Вы имѣли опытъ моей готовности Васъ награждать; сія готовность не ослабнетъ во Мнѣ; но Я и Россія вправѣ ожидать съ Вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которыхъ умъ Вашъ, воинскіе таланты Ваши, и храбрость войскъ, Вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ.

Пребываю навсегда Вамъ благосклонный

А.

СПБ.
2-го октября 1812 г.

Князь Михайло Ларіоновичъ! Изъ донесенія Вашего, съ Княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ Вашемъ свиданіи съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ.

При самомъ отправленіи Вашемъ ко ввѣреннымъ Вамъ Арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ Вами объясненій извѣстно Вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

Нынѣ-же послѣ сего происшествія долженъ съ тоюже рѣшительностію повторить Вамъ, дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо Вами соблюдаемо.

Равнымъ образомъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ, что генералъ Бенигсенъ имѣлъ свиданіе съ Королемъ Неаполитанскимъ и еще безъ всякихъ къ тому побудительныхъ причинъ.

Поставя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ Васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій и кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать.

Всѣ свѣдѣнія отъ меня къ Вамъ доходятъ и всѣ предначертанія мои, въ Указахъ на имя Ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ Васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество.

Пребываю всегда благосклонный

А.

СПБ.
Октября 9 дня
1812 года.

Собственноручный Рескриптъ:

Князь Михайло Ларіоновичъ! Получилъ я донесеніе Ваше до 24-го октября. Съ крайнимъ сѣтованіемъ вижу Я, что надежда изгладить общую скорбь о потерѣ Москвы, пресѣченіемъ врагу возвратнаго пути, совершенно исчезла.—Непонятное бездѣйствіе Ваше послѣ щастливаго сраженія 6-го числа передъ Тарутинымъ, чѣмъ упущены тѣ выгоды, кои оно предвѣщало и ненужное и пагубное отступленіе Ваше послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ до Гончарова, уничтожило все преимущество положенія Вашего; ибо Вы имѣли всю удобность ускорить непріятеля въ его отступленіи подъ Вязьмою и тѣмъ отрѣзать по крайней мѣрѣ тремъ Корпусамъ: Даву, Нея и Вице-Короля, сражавшихся подъ симъ городомъ. Имѣвъ столь превосходную легкую Кавалерію, Вы не имѣли довольно отрядовъ на Смоленской дорогѣ, чтобы быть извѣщену о настоящихъ движеніяхъ непріятеля; ибо въ против-

номъ случаѣ Вы бы увѣдомлены были, что 17-го числа Наполеонъ съ Гвардіею своею уже прошелъ Гжатскъ.

Нынѣ сими упущеніями Вы подвергли Корпусъ Графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеонъ, оставя предъ Вами вышеупомянутые три Корпуса, которые единственно Вы преслѣдуете, будетъ въ возможности съ Гвардіею своею усилить бывшій Корпусъ Сенъ-Сира и напасть превосходными силами на Графа Витгенштейна. Обращая все вниманіе на сіе столь справедливое поясненіе, я напоминаю Вамъ, что всѣ несчастія, отъ сего проистечь могущія, останутся на личной Вашей отвѣтственности.

А.

СПБ.
Октября 30 дня
1812 года.

Копія съ донесенія ГОСУДАРЮ Кн. Кутузова:

Всемилостивѣйшій Государь!

Я еще сутки долженъ былъ задержать генералъ-адъютанта К. Волконскаго, сегодняшняго утра получивъ чрезъ Парламентера письмо, которымъ означено, что Императоръ Наполеонъ желаетъ съ важными препорученіями отправить ко мнѣ своего генералъ-адъютанта.—К. Волконскій донесетъ Вашему Императорскому Величеству обо всѣхъ пересылкахъ, которыя по сему случаю были, и наконецъ ввечеру прибылъ ко мнѣ Ларистонъ, бывшій въ С.-Петербургѣ Посолъ, который, распространяясь о пожарахъ, бывшихъ въ Москвѣ, невиня Французовъ, но малое число Русскихъ, остававшихся въ Москвѣ, предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ, въ которомъ ему отъ меня отказано, а болѣе всего распространялся объ образѣ варварской войны, которую мы съ нимъ ведемъ, сіе относительно не къ Арміи, а къ жителямъ нашимъ, которые нападаютъ на Французовъ, поодиночкѣ или въ маломъ числѣ ходящихъ, поджи-

гаютъ сами дома свои и хлѣбъ, съ полей собранный, съ предложеніемъ неслыханныя такіе поступки унять. Я увѣрялъ его, что ежели бы и желалъ перемѣнить образъ мыслей сей въ народѣ, то не могъ бы успѣть для того, что они войну сію почитаютъ равно какъ съ нашествіемъ Татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить ихъ воспитанія, наконецъ дошелъ до истиннаго предмета его посланія, то-есть говорить сталъ о мирѣ, что дружба, существовавшая между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Императоромъ Наполеономъ, разорвалась несчастнымъ образомъ по обстоятельствамъ, совсѣмъ постороннимъ, и что теперь могъ бы еще быть удобный случай оную возстановить.

„Cette guerre singulière, cette guerre inouie doit-elle donc durer éternellement? L'Empereur mon maitre a un desir sincère de terminer ce différent entre deux nations grandes et genereuses et à les terminer pour jamais“.

Я отвѣтствовалъ ему, что я никакого наставленія на сіе не имѣю, что при отправленіи меня къ Арміи и названія мира ни разу не упомянуто; впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ него мною слышанныя, происходятъ ли они такъ, какъ его собственныя разсужденія, или имѣютъ источникъ свыше, что я сего разговора ни въ какомъ случаѣ и передать Государю своему не желаю, „qui je serais maudit par la postérité, si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accomodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation“.

При семъ случаѣ подалъ онъ мнѣ письмо отъ Императора Наполеона, съ коего при семъ списокъ прилагается, и просилъ меня испросить у Вашего Величества согласія ему, Ларистону, прибыть по сему предмету въ С.-Петербургъ, и предложилъ въ ожиданіи сего отвѣта перемиріе, въ которомъ я ему отказалъ. При семъ случаѣ разсчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда на сіе отвѣтъ придти можетъ.

Сіе требованіе его обѣщалъ ему исполнить, то-есть донести о желаніи семъ Императора Наполеона Вашему Императорскому Величеству.

Село Тургенъ
Сентября 23 дня
1812 года.

Въ Рескриптѣ отъ 12-го іюля 1812 года изъ С.-Петербурга:

Михайло Богдановичъ! Я получилъ донесеніе Ваше какъ о причинахъ, побудившихъ Васъ идти съ первою Арміею на Смоленскъ, такъ и о соединеніи Вашемъ со второю Арміею.

Такъ какъ Вы для наступательныхъ дѣйствій соединеніе сіе считали необходимо нужнымъ, то Я радуюсь, что теперь ничто Вамъ не препятствуетъ предпринять ихъ и судя потому, какъ Вы меня увѣдомляете, ожидаю въ скоромъ времени самыхъ счастливыхъ послѣдствій.

Я не могу умолчать, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы Нашей земли, однако же не иначе, какъ съ прискорбностію долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до самаго Смоленска и проч.

Собственноручное письмо Государя Барклаю де-Толли. Мангеймо. Іюня 14/26 1815 г.

Сейчасъ получилъ Я, Михайло Богдановичъ, письмо Ваше изъ Кейзерслаутигерна отъ вчерашняго числа; извѣстіе о абдикаціи написано справедливо, и генералъ Рапъ нашъ сообщилъ оное формально; но сіе происшествіе не должно ни мало насъ останавливать, и мы единогласно рѣшили продолжать военное дѣйствіе по прежнему. Намъ необходимо имѣть въ своихъ рукахъ самого Наполеона, выдачу коего Мы настоятельно требуемъ; мы равномѣрно не можемъ терять военныя выгоды, доселѣ пріобрѣтенныя. Итакъ, съ помощію Божіею идемъ впередъ

довершить сіе благое дѣло. Распоряженія Ваши касательно Гусарской Дивизіи графа Ламберта согласуются совершенно съ мнѣніями; ибо Я требовалъ отъ Князя Шварценберга повелѣнія фельдмаршала Вреде, дабы сіи Дивизіи остановлены были тамъ, гдѣ онѣ нынѣ находятся. Ламбертомъ Я недоволенъ, что онъ согласился на перемиріе, и ему оное строго замѣтилъ; подтвердите всѣмъ генераламъ, чтобъ подобнаго впредь не случалось, ни подъ какимъ видомъ.

Если крѣпости будутъ входить въ переговоры съ нами да и почитать ихъ принадлежащими къ Королю Французскому, то подобныя сношенія не склонять, а Мнѣ немедленно давать знать.

На перемѣну второй Драгунской дивизіи таковой же 5-ой Я согласенъ, но не безъ сожалѣнія, ибо хорошую промѣняю на слабую.

Съ благоволеніемъ Всевышняго, съ пособіемъ Полководцевъ, каковы Вы, и съ храбростію неоцѣненныхъ нашихъ войскъ, надѣюсь привести къ желаемому концу сію новую войну и достичь до благодѣтельнаго для цѣлой Европы мира.

Пребываю навсегда Вамъ искренне преданнымъ

А.

Графъ Кутузовъ удостоивается Княжескаго Россійской Имперіи достоинства.

Усердная служба въ званіи Главнокомандующаго Дунайскою Арміею и ревностные труды, подъятые графомъ Кутузовымъ въ новой должности Начальника С.-Петербургскаго ополченія, снискали ему новую Монаршую милость. Въ 29 день іюля 1812 г. данъ былъ Правительствующему Сенату слѣдующій Именной Высочайшій Указъ: „Въ изъявленіе особеннаго Нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ Нашего генерала-отъ-инфантеріи Графа Голенищева-Кутузова, способствовавшаго къ окончанію

съ Оттоманскою Портою войны и къ заключенію полезнаго мира, предѣлы нашей Имперіи распространившаго, возводимъ Мы его съ потомствомъ его въ Княжеское Всероссійской Имперіи достоинство, присвояя къ оному титулъ Свѣтлости. Повелѣваемъ Сенату заготовить на Княжеское достоинство Дипломъ и поднесть къ Нашему подписанію".

Въ 8-й день августа 1812 года Князь Голенищевъ-Кутузовъ удостоился получить слѣдующій Высочайшій Рескриптъ:

„Князь Михаилъ Ларіоновичъ! настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля.—Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго Главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ.—Извѣстныя военныя достоинства Ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ Вашихъ подвиговъ, пріобрѣтаютъ Вамъ истинное право на сію Мою довѣренность.—Избирая Васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія Ваши къ славѣ Россійскаго оружія и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на Васъ возлагаетъ. Пребываю къ Вамъ всегда благосклонный".

Воззваніе Свѣтлѣйшаго Князя Михаила Ларіоновича Кутузова къ жителямъ Смоленской губерніи, во время пребыванія своего въ селѣ Царевозаймищѣ:

„Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ Престолу Августѣйшаго Монарха нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы; но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было единая душа и единое тѣло. Оно всегда подвизалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и къ Отечеству своему.—Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! да услышитъ моленія ваши: да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки во единное семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались“.

Разговоръ Фельдмаршала Князя Кутузова съ генераломъ Лористономъ, посланнымъ отъ Наполеона въ исходѣ сентября 1812 года къ Князю Кутузову съ предложеніями о заключеніи не только перемирія, но и самаго мира.

Послѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ привѣтствій со стороны Лористона, Князь Кутузовъ спросилъ его: „Здоровъ ли Вашъ Императоръ?“ Лористонъ, давъ на сіе отвѣтъ, хотѣлъ говорить о дѣлѣ, но Кутузовъ прервалъ: я думаю, что онъ въ Москвѣ живетъ у насъ очень весело?—Да, отвѣчалъ Лористонъ. Онъ поручилъ мнѣ... Кутузовъ снова прервалъ: часто ли Наполеонъ

бываетъ въ театрѣ?—Иногда, сказалъ Лористонъ и снова хотѣлъ говорить о дѣлѣ.—Но Кутузовъ подхватилъ: напрасно! я на его мѣстѣ бывалъ бы по два раза въ день; Лористонъ намѣренъ былъ приступить къ дѣлу, но Кутузовъ продолжалъ: О! въ Москвѣ есть прекрасные французскіе актеры.—Лористонъ, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ Наполеона чрезъ промедленіе положеннаго ему времени, сталъ говорить рѣшительнѣе: Ваша Свѣтлость, позвольте...—Но Кутузовъ снова прервалъ его рѣчь, говоря: да изъ нихъ есть много изъ знатныхъ французскихъ фамилій. Но, наконецъ Кутузовъ позволилъ ему объявить причину своего пріѣзда.—Лористонъ объявилъ, что присланъ къ Князю Кутузову съ просьбою о заключеніи перемирія и о доставленіи Императору Всероссійскому письма отъ Наполеона съ предложеніями о мирѣ, для прекращенія ужаснаго кровопролитія, причиненнаго отчаяніемъ и варварствомъ.—Князь Кутузовъ отвѣчалъ: „что онъ не имѣетъ власти принимать предложенія о мирѣ или перемиріи и отнюдь не приметъ письма на имя Его Императорскаго Величества“.

Къ сему Князь Кутузовъ присовокупилъ еще, что въ то время, какъ Наполеонъ объявляетъ въ Москвѣ, что кампанія окончена, Русскіе полагаютъ, что она только еще начинается, и что если онъ сомнѣвается въ томъ, то вскорѣ узнаетъ то на опытѣ къ своему вреду.—И такъ, сказалъ Лористонъ, если нѣтъ болѣе надежды, то должно будетъ отправиться въ походъ. Но, уходя, принуждены будемъ проливать кровь людей; ибо ваши арміи сходятся со всѣхъ сторонъ. Повторяю, промолвилъ Князь Кутузовъ, вы будете дѣлать всевозможное, чтобы отсюда выбраться, а мы приложимъ всѣ старанія, чтобъ вамъ въ томъ воспрепятствовать. Впрочемъ, можетъ быть, наступитъ время, когда намъ можно будетъ сдѣлать приготовленія къ вашему отъѣзду, если только въ этомъ будетъ заключаться все дѣло!..

На жалобу генерала Лористона на то, что Французамъ приписываютъ сожженіе и опустошеніе Москвы, между тѣмъ какъ (по его словамъ) жители оной были сами виновниками сего бѣдствія, Князь Кутузовъ отвѣчалъ: „Что касается до Московскаго пожара, я старъ, опытенъ, пользуюсь довѣренностію Русскаго народа и потому знаю, что въ каждый день и каждый часъ происходитъ въ Москвѣ. Я самъ приказалъ сжечь магазейны; но, по прибытіи французовъ, Русскіе сами истребили только каретные ряды, которыми вы овладѣли и начали дѣлить между собой кареты. Жители причинили очень мало вреда. Вы разрушали столицу по своей методѣ; опредѣляли для пожара дни и назначали части города, которыя надлежало зажигать въ извѣстные часы. Я имѣю подробное извѣстіе обо всемъ. Доказательствомъ, что не жители разрушили Москву, служитъ то, что разбивали пушками дома и другія зданія, которыя были слишкомъ крѣпки, стрѣляя въ нихъ посреди огня. Будьте увѣрены, что мы постараемся вамъ заплатить!“—Послѣ сего Лористонъ представлялъ, что послѣдствія еще никому не извѣстны и что лучше бы было всѣ несогласія между двумя равновеликими народами окончить рѣшительнымъ миромъ.—Князь Кутузовъ, соскуча предложеніями сими, произнесъ съ гнѣвомъ: „Какъ? мнѣ предлагать миръ? и кто? тотъ, который попираетъ священныя права народа? Нѣтъ! не будетъ сего, пока въ Россіи есть Русскіе! я докажу противное тому, что враги моего Отечества предполагаютъ. Согласиться на миръ? и кому? Русскимъ? и гдѣ? въ Россіи! нѣтъ! никогда сего не будетъ! Увѣряю всѣхъ торжественно: двадцать лѣтъ въ предѣлахъ моего отечества могу вести войну съ цѣлымъ свѣтомъ и наконецъ заставлю всѣхъ мыслить о Россіи такъ, какова она есть существенно“.

Во время сего совѣщанія Россійскій Главнокомандующій, спросивъ Лористона о здоровьѣ его Импера-

тора и получивъ въ отвѣтъ, что Наполеонъ здоровъ, Свѣтлѣйшій Князь возразилъ: „О, нѣтъ! прежде онъ былъ столь крѣпкаго сложенія и былъ столь здоровъ, что едва я самъ отъ того не умеръ; а теперь едва ли не придется ему умереть на моихъ рукахъ!“

Приказы Главнокомандующаго Россійскимъ воинамъ, для вящшаго поощренія ихъ къ преслѣдованію непріятеля, весьма достопримѣчательные по своему содержанію и духу, въ нихъ заключающемуся:

1-ый: „Непріятель съ самаго вступленія своего въ Москву, жестоко обманутый въ своей надеждѣ найти тамъ изобиліе и самый миръ, долженъ былъ претерпѣвать всякаго рода недостатки. Утомленный далекими походами, изнуренный до крайности скуднымъ продовольствіемъ, тревожимый и истребляемый повсюду партіями нашими, кои пресѣкли у него послѣднія средства доставить себѣ пропитаніе посредствомъ сбора отъ земли, запасовъ; потерявъ безъ сраженія многія тысячи людей побитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ нашими отдѣльными отрядами и Земскими Ополченіями, не усматривая впереди ничего другого, какъ продолженіе ужасной, неудачной для него войны, способной въ краткое время уничтожить всю его армію; видя въ каждомъ жителѣ воина, общую непреклонность на всѣ его обольщенія, рѣшимость всѣхъ сословій грудью стоять за любезное отечество; претерпѣвъ 6-го числа октября, при учиненной на него атакѣ, сильное пораженіе и постигнувъ, наконецъ, всю суетность дерзкой мысли однимъ занятіемъ Москвы поколебать всю Россію,— предпринялъ онъ поспѣшное отступленіе вспять, бросивъ на мѣстѣ большую часть больныхъ своихъ,— и Москва очищена. Къ прежнимъ извѣстнымъ уже учиненнымъ Французами въ сей столицѣ неистовствамъ, кои посѣяли между Россійскимъ и ихъ народами сѣмена

вѣчнаго мщенія, надлежало имъ подорвать минами нѣкоторыя мѣста въ Кремлѣ; но благодареніе Богу!—Соборъ и святые храмы остались при семъ случаѣ невредимы.—Теперь мы преслѣдуемъ силы его, когда въ то же время другія наши арміи снова заняли край Литовскій и будутъ содѣйствовать намъ къ конечному истребленію врага, дерзнувшаго угрожать Россіи. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ онъ обозы, взрываетъ на воздухъ ящики съ снарядами и покидаетъ даже сокровища, изъ храмовъ Божіихъ похищенныя. Уже Императоръ Наполеонъ слышитъ ропотъ въ рядахъ своего воинства; уже начались тамъ побѣги, голодъ и непорядки всякаго рода. Уже слышенъ намъ гласъ Всеавгустѣйшаго Монарха, Который взываетъ: *Потушите кровью непріятельскою пожаръ Московскій!—Воины! Потщимся исполнить сіе, и Россія будетъ вами довольна, и прочный миръ водворится въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ. Богъ поможетъ намъ въ томъ, добрые Русскіе солдаты*".

Второй приказъ, изданный 29 Октября:

„Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда можетъ быть земля Русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. Итакъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ зима, вьюги и морозы; но намъ ли бояться ихъ, дѣти Сѣвера? желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погодъ, ни злости враговъ, она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостію и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. — *Пусть всякой помнитъ Суворова!* который научалъ сносить голодъ и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ Русскаго народа.—Идемъ впередъ!

*

Съ нами Богъ; предъ нами разбитый непріятель, за нами да будетъ тишина и спокойствіе!“

ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ, данный Правительствующему Сенату, въ С.-Петербургѣ, 6-го Декабря 1812 г., по случаю ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО пожалованія Фельдмаршалу Князю Кутузову титула „Смоленскаго“, для увѣковѣченія памяти знаменитыхъ побѣдъ его:

„Въ память незабвенныхъ заслугъ Нашего Генералъ-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова, доведшаго многочисленныя непріятельскія войска искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ Мы ему титулъ Смоленскаго, повелѣвая Правительствующему Сенату заготовить на оный грамоту и взнесть къ Нашему подписанію“. С-тъ Петербургъ, 6-го Декабря 1812 года.

Личная признательность ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го къ заслугамъ Князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго:

12-го Декабря ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, находясь въ Вильнѣ, изволилъ присутствовать на вахтпарадѣ и во дворцѣ принималъ поздравленіе отъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Потомъ, отслушавъ божественную литургію, признательный Монархъ со всею своею свитою, пришедъ къ Генералъ-Фельдмаршалу Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, изволилъ пожаловать его, за знаменитые подвиги, оказанные имъ освобожденіемъ Россіи отъ позорнаго ига

иноплеменниковъ, Кавалеромъ военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія перваго класса.

Его Свѣтлость Г. Главнокомандующій всѣми Россійскими арміями Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ-Смоленскій, желая увѣковѣчить славу села Тарутина, при которомъ устроены Русскими сильныя укрѣпленія, написалъ къ помѣщицѣ онаго, Ея Высокопревосходительству Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, слѣдующее письмо:

„Село Тарутино, вамъ принадлежащее, ознаменовано было славною побѣдою Русскаго войска надъ непріятельскимъ. Отнынѣ имя его должно сіять въ нашихъ лѣтописяхъ наряду съ Полтавою, и рѣка Нара будетъ для насъ такъ же знаменита, какъ и Непрядова, на берегахъ которой погибли безчисленныя ополченія Мамая. Покорнѣйше прошу васъ, Милостивая Государыня, чтобъ укрѣпленія, сдѣланныя близь села Тарутина,— укрѣпленія, которыя устрашили полки непріятельскіе и были твердою преградою, близь коей остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію, чтобъ сіи укрѣпленія остались неприкосновенными. — Пускай время, а не рука человѣческая, ихъ уничтожитъ; пускай земледѣлецъ, обрабатывая вокругъ ихъ мирное свое поле, не трогаетъ ихъ своимъ плугомъ, пускай и въ позднее время будутъ они для Россіянъ священными памятниками ихъ мужества; пускай наши потомки, смотря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ соревнованія и съ восхищеніемъ говорить: вотъ мѣсто, на которомъ гордость хищниковъ пала предъ неустрашимостью сыновъ отечества. Сосѣдъ вашъ, Князь Волконскій, вызывается поставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ принадлежащаго ему селенія Леташевки; но вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ, Тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышаю-

щіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами Русскаго мужества и Русской славы“.

Князь Кутузовъ исполняетъ свой обѣтъ приношеніемъ въ Казанскій соборъ пожертвованнаго Донскимъ войскомъ серебра.

Князь Кутузовъ, запечатлѣвъ давно въ глубинѣ сердца своего обѣтъ принести первую корысть на алтарь церкви, препроводилъ отбитое Донскими казаками у непріятеля знатное количество серебра, бывшаго нѣкогда украшеніемъ святыхъ ликовъ, къ Преосвященному Амвросію при слѣдующемъ письмѣ:

„Благословите сей даръ, приносимый воинами подателю побѣды. Храбрые Донскіе казаки возвращаютъ Богу похищенное изъ храмовъ Его сокровище. На меня возложили они обязанность доставить Вашему Высокопреосвященству серебро, бывшее нѣкогда украшеніемъ святыхъ ликовъ, потомъ доставшееся въ добычу нечестивымъ хищникамъ, и, наконецъ, храбрыми Донцами изъ когтей ихъ исторгнутое. — Предводитель войска Донскихъ казаковъ, Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ его воины и я желаемъ, чтобы сіи слитки, составляющіе сорокъ пудовъ серебра, были обращены въ изображенія четырехъ Евангелистовъ и служили украшеніемъ церкви Казанскія Божіея Матери въ С.-Петербургѣ. Всѣ издержки, потребныя на изваяніе сихъ священныхъ ликовъ, принимаемъ мы на свой счетъ.—Прошу Ваше Высокопреосвященство взять на себя трудъ приказать найти искусныхъ художниковъ, которые могли бы удовлетворить нашимъ благочестивымъ побѣдителямъ, изваявъ ликъ Святыхъ Евангелистовъ изъ серебра, усердіемъ ихъ Божію храму приносимаго. Не замедлите также увѣдомить меня о томъ, что можетъ стоитъ сія работа, дабы я въ скорѣй-

шемъ времени доставилъ вамъ всю потребную на издержки сумму. — По моему мнѣнію, симъ ликамъ было бы весьма прилично стоять близь Царскихъ дверей предъ иконостасомъ; таково было мое завѣщаніе, дабы они поражали взоры входящаго въ храмъ богомольца. На подножіи каждаго изваянія должна быть вырѣзана слѣдующая надпись: *усердное приношеніе войска Донскаго.* Я увѣренъ, Ваше Высокопреосвященство, что сія возлагаемая на васъ забота будетъ пріятна вашему сердцу. Служитель и проповѣдникъ мира, спѣшите воздвигнуть памятникъ брани и мщенія въ Божіемъ храмѣ; но, воздвигая его, скажите съ благодарностію къ Промыслу: враговъ Россіи уже не стало; мщеніе Божіе постигло ихъ на землѣ Русской, и путь, ими пройденный, усыпанъ костями ихъ, на устрашеніе хищнаго буйства и гордаго властолюбія.—Препоручая себя съ воинствомъ благословенію и молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію есмъ, и проч.“

Вмѣстѣ съ симъ Свѣтлѣйшій Князь препроводилъ еще письмо къ Протоіерею Казанскаго собора Іоанну Сирохнову, которое, заслуживая остаться памятникомъ благочестія знаменитаго вождя Россійскихъ силъ, по всей справедливости долженствуетъ быть пріобщено при описаніи благочестиваго дѣла Князя Кутузова. Письмо сіе слѣдующаго содержанія:

„Спѣшу, Преподобный Отецъ, доставить Вамъ приношеніе нашихъ воиновъ. Да украситъ оно тотъ храмъ, въ которомъ совершаете Вы священныя жертвы Богу нашихъ прародителей. Сіи сокровища суть даръ побѣдившихъ врага; своею кровію они искупили достояніе Божіе; а хищники потеряли добычу свою вмѣстѣ съ жизнію.—Когда обожаемый Монархъ сказалъ мнѣ: „Иди спасать Россію!“ Тогда поспѣшилъ я во храмъ Святыя Казанскія Божіея Матери, дабы испросить у Всемогущаго побѣду. Въ сію минуту въ чувствахъ моихъ за-

печатлѣлъ я клятву, что первая добыча, отнятая у врага, будетъ украшеніемъ сего храма; твердая, утѣшительная вѣра была мой спутникъ. Когда я пошелъ ко храбрымъ моимъ ополченіямъ, я видѣлъ надъ ними непобѣдимаго Бога, защитника правыхъ; я слышалъ за собою Ваши молитвы; я уповалъ на спасеніе и побѣду.—Все исполнилось!... Провидѣніе явилось во всемъ своемъ могуществѣ. Оно истребило Русскимъ мечемъ ополченіе беззаконниковъ; раззорители святыхъ храмовъ пали подъ бременемъ своего нечестія; ни что, похищенное у Божества, не осталось въ ихъ власти, и побѣдители со смиреніемъ кладутъ на алтарь Бога святыню, Ему принадлежащую. Такъ, Преподобный Отецъ, мужество моихъ воиновъ даетъ мнѣ теперь способъ исполнить мою клятву: серебро сорокъ пудовъ, доставляемое мною къ Его Высокопреосвященству, есть даръ неустрашимыхъ Донскихъ казаковъ Вашему храму. Лики четырехъ Евангелистовъ, изъ него изваянные, будутъ онаго украшеніемъ.—А вы обратите свои молитвы въ торжественную пѣснь благодарности. Воскресъ Богъ, и расточились врази Его! Всемогущій оказалъ Себя союзникомъ благости и правоты, царствующихъ надъ нами въ образѣ Александра, и гордая злоба исчезла, какъ тѣнь, передъ лицомъ Его гнѣва. Прославьте подателя побѣды; но вмѣстѣ съ именами радости соедините благословеніе падшимъ въ славной битвѣ за отчизну. Ихъ гибель наше спасеніе. Слава погибшихъ да воспламеняетъ оставшихся на поприщѣ брани и готовыхъ, подобно имъ, отдать свою жизнь за Вѣру, Царя и Отечество.—Прося Вашего благословенія себѣ и нашимъ воинамъ, честь имѣю быть, и проч.

24 декабря 1812 года».

При переходѣ въ началѣ 1813 года за границу Главной Россійской арміи, Князь Кутузовъ издалъ слѣдующій достопримѣчательный приказъ:

„Храбрыя и побѣдоносныя войска! Наконецъ, вы на границахъ Имперіи, каждый изъ васъ есть спаситель отечества. Россія привѣтствуетъ васъ симъ именемъ; стремительное преслѣдованіе непріятеля и необыкновенные труды, подъятые вами въ семъ быстромъ походѣ, изумляютъ всѣ народы и приносятъ вамъ безсмертную славу. Не было еще примѣра столь блистательныхъ побѣдъ, два мѣсяца сряду рука ваша каждодневно карала злодѣевъ. Путь ихъ усѣянъ трупами. Токмо въ бѣгствѣ своемъ самъ вождь ихъ не искалъ инаго, кромѣ личнаго спасенія; смерть носилась въ рядахъ непріятельскихъ; тысячи падали разомъ и погибали. Тако Всемогущій Богъ изъявлялъ на нихъ гнѣвъ Свой и поборалъ Своему народу. Не останавливаясь среди геройскихъ подвиговъ, мы идемъ теперь далѣе. Перейдемъ границы и потщимся довершить пораженіе непріятеля на собственныхъ поляхъ его. Но не послѣдуемъ примѣру враговъ нашихъ въ ихъ буйствѣ и неистовствахъ солдата. Они жгли домы наши; ругались святынею; и вы видѣли, какъ десница Вышняго праведно отмстила имъ за ихъ нечестіе. Будемъ великодушны, положимъ различіе между врагомъ и мирнымъ жителемъ! Справедливость и кротость въ обхожденіи съ обывателями покажетъ имъ ясно, что не порабощенія ихъ и не суетной славы мы желаемъ; но ищемъ освободить отъ бѣдствія и угнетеній даже самые тѣ народы, которые вооружились противъ Россіи. Непремѣнная воля ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ нашего есть, чтобы спокойствіе жителей не было нарушено, и имущества ихъ остались неприкосновенными. Объявляя о томъ, обнадеженъ я, что священная воля сія будетъ выполнена каждымъ солдатомъ въ полной мѣрѣ. Никто изъ нихъ да не отважится забыть

ее! А Г. г. корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ Именемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вызываю въ особенности имѣть за симъ строгое и неослабное наблюденіе.“

Уваженіе и признательность Князя Кутузова къ заслугамъ Атамана Донскихъ войскъ Графа Платова.

Князь Кутузовъ писалъ Графу Платову, между прочимъ, слѣдующее:

„Паденіе славныхъ укрѣпленныхъ городовъ Эльбинга, Маріенбурга, Маріенвердера и Дершау совершенно приписываю я мужеству и рѣшимости Вашего Сіятельства и предводительствуемаго Вами храбраго войска.—Полетъ преслѣдованія ни съ какою быстротою сравниться не можетъ. Вѣчная слава неустрашимымъ Донцамъ“.

Слѣдующее письмо Князя Кутузова къ Атаману Платову можетъ еще наивящше доказать то уваженіе и признательность, коими Свѣтлѣйшій Князь удостоивалъ храбраго предводителя Донцовъ:

„Я не въ силахъ изъявить вамъ той благодарности, которою преисполнено сердце мое. Сраженіе, бывшее 23 числа сего мѣсяца подъ Данцигомъ, есть новый опытъ усердія, ревности и отличной храбрости Донцовъ, вами предводительствуемыхъ. Услуги, оказанныя вами Отечеству въ продолженіе нынѣшней кампаніи, не имѣютъ примѣровъ; вы доказали цѣлой Европѣ могущество и силу обитателей Богомъ благословеннаго Дона! Я почитаю за особенное удовольствіе извѣстить васъ, что всѣ чины, къ наградѣ вами представленные, по назначенію вашему утверждены ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, который давно уже желаетъ лично изъявить вамъ то благоволеніе, коего вы, по всей справедливости, заслуживаете.—Ради самого Бога, поспѣшите пріѣхать въ главную квартиру; вы доставите неизъяснимую радость человѣку, который нетерпѣливо желаетъ

дружески прижать васъ къ своему сердцу и оказать то почтеніе и преданность, съ каковыми навсегда пребуду, и проч. Городъ Плоцкъ, 1813 годъ 23-го Генваря“.

ВЫСОЧАЙШІЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ на имя супруги покойнаго Князя Кутузова:

„Княгиня Катерина Ильинична! Судьбы Вышняго, которымъ никто изъ смертныхъ воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, опредѣлили супругу вашему, Свѣтлѣйшему Князю Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленскому посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей переселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для однѣхъ Васъ, но для всего отечества потеря! Не вы однѣ проливаете о немъ слезы; съ вами плачу Я и плачетъ вся Россія. Богъ, воззвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное Отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется Памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же уважать землю, пораждающую столь великихъ мужей. Все получаемое имъ содержаніе повелѣлъ Я производить Вамъ, пребывая вамъ благосклонный“. Дрезденъ, 25 Апрѣля 1813 года.

Выписка изъ письма купца Якова Чиликина о пребываніи Французовъ въ Москвѣ.—Получено января 2-го ч. 1813 года.

Москва, 13 ноября 1812 года.

Милостивый Государь, Григорій Петровичъ!

Наконецъ, привыкши уже къ таковой сценѣ, намъ казалось, какъ обыкновеннымъ, и я сталъ вызывать И. Г. къ выѣзду въ Москву или до коихъ мѣстъ до-

ѣдемъ; онъ былъ согласенъ, и мы 24-го ч., поутру, выѣхали изъ Володиміра въ Москву, пріѣхали на зарѣ 26-го ч. августа; я присталъ квартирою въ Ипатьевскомъ переулкѣ къ И. А. Колесову; напившись чаю, пошелъ къ Кожевникову, звоню въ колокольчикъ, выходитъ мальчикъ, которому говорю, чтобы доложилъ обо мнѣ Петру Ивановичу; онъ уходитъ и черезъ минуту, возвратившись, сказалъ, что дочь его чрезвычайно нездорова да и самъ также, притомъ же и не время заняться; и я принужденъ идти обратно и, такимъ образомъ, навѣщалъ его каждый день, но съ одинаковымъ успѣхомъ; наконецъ, 30-го ч. пошелъ съ намѣреніемъ непремѣнно увидѣться съ нимъ; прихожу, но онъ въ это утро уѣхалъ изъ Москвы, со всѣмъ семействомъ, и я принужденъ остаться, не видавшись съ нимъ; наконецъ, рѣшился и самъ ѣхать въ Владиміръ.—И. А. Колесовъ выѣхалъ изъ Москвы 1-го сентября, а я остался съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, изготовившись, выѣхать во вторникъ, т. е. 3-е ч.; итакъ, я субботу, воскресенье и понедѣльникъ ходилъ по Москвѣ и рядамъ, но видъ болѣе походилъ на воинственный, нежели какъ въ спокойное время; вездѣ по улицамъ только и видно, что солдаты, и въ эти дни все шла наша армія черезъ Москву цѣлыми дивизіями, а особенно въ понедѣльникъ; съ самаго утра шла во весь день; я подумалъ, что и мнѣ здѣсь оставаться было не для чего, и за непремѣнное положилъ, чтобъ выѣхать поутру на другой день, но какъ я остался въ квартирѣ одинъ, только съ прикащикомъ И. А. К., то сидѣть дома показалось скучно; я поутру выхожу, иду по набережной, прохожу на Смоленскій рынокъ, откуда шла наша армія; посидѣвъ тутъ и посмотрѣвъ, какъ наши солдатушки и ратники шли, лавки и кабаки ласкали, пошелъ въ Кремль; прохожу мимо коменданта къ старому арсеналу, вижу множество народу толпится около онаго; я подхожу, спраши-

ваю причину; мнѣ говорятъ, что позволено всякому сколько угодно брать орудія, а за припасомъ приходить на другой день, т. е. 3-е ч. Съ прочими и я продрался, взялъ 2 ружья и 2 сабли, но для чего? право и самъ не знаю, принесъ на квартиру; послѣ обѣда вздумалось мнѣ еще сходить въ арсеналъ выбрать пару пистолетовъ. Проходя по набережной, остановился у Москворѣцкаго моста посмотрѣть на конницу, которую офицеры начали поторапливать къ скорому маршу; я подбѣжалъ къ одному офицеру, спрашиваю: далеко ли непріятель и куда они идутъ? онъ сказалъ, что непріятель за 6 верстъ и направленіе взялъ въ сторону, а мы идемъ ему на встрѣчу; и увѣрялъ, что Французу никогда не бывать въ Москвѣ; это нѣсколько насъ покуражило, и я тутъ, простоявъ до 3-хъ часовъ пополудни, пошелъ въ Арсеналъ, вхожу въ оной, выбираю саблю и пару пистолетовъ, вдругъ сдѣлался выстрѣлъ изъ пушки у самаго арсенала и за онымъ послѣдовалъ другой. Народъ пришелъ отъ сего въ крайнее волненіе; я бросился на дворъ; народъ бѣгаетъ взадъ и впередъ; между ими и казаки на лошадяхъ также не знали, куда дѣться; прибѣгаю къ воротамъ, но что же вижу? Французская конная гвардія летитъ, какъ на крыльяхъ, мимо комендантскаго дома и насъ къ Никольскимъ воротамъ; вообразите, въ какомъ положеніи мы находились! я такъ испугался, что руки и ноги задрожали, черезъ великую силу добрался къ уголку воротъ, тутъ еще сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки съ нашей стороны; опомнившись немного, отошелъ отъ стѣны и вижу двухъ смѣльчаковъ изъ солдатъ съ ружьями, стрѣляющихъ въ Французовъ, а прочіе кричали ура! ура! но Французы не оставляли своего порядка, скакали съ обнаженными саблями мимо насъ и, несмотря на дерзость нашихъ двухъ солдатъ, не сдѣлали ни одного выстрѣла противъ насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ зачали говорить, что они насъ не тронутъ; я, понадѣясь на сіе,

вышелъ было изъ воротъ и пошелъ на уголъ, чтобъ пробраться въ Никольскіе ворота, и не успѣлъ отойти 10 саженъ, какъ одинъ французскій офицеръ выскочилъ изъ-за угла (гдѣ бы мнѣ должно было идти) за нашимъ Русскимъ, который бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ ружьемъ, нагналъ его и изрубилъ; я, увидѣвъ сіе, не помню, какъ добрался опять до воротъ; видя, что смерть неизбѣжная, не знаю, что дѣлать, однако, опамятовавшись отъ такого испуга, побѣжалъ во внутренность Арсенала, положившись на власть Божію, но не успѣлъ вбѣжать до половины лѣстницы, какъ послѣдовалъ опять ударъ изъ пушки; я оглянулся, дымъ застлалъ весь проходъ въ вороты; это, видно, уже французы были очень раздражены нашими пьяными смѣльчаками, что такого пустили въ насъ фолканета; признаюсь, я болѣе не въ силахъ былъ идти, и мысль, что французы, заставъ насъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ брали орудія, чтобы поднять оное противу ихъ, не выпустятъ ни одного живого, а изрубятъ или перестрѣляютъ до одного, приводила меня въ отчаяніе, которое, однакожъ, нѣсколько придало силъ для спасенія жизни; собираюсь съ духомъ, бѣгу во внутренность Арсенала, народъ въ ономъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, ища каждый своего спасенія, но негдѣ, вездѣ могутъ найти, да и оставаться въ такомъ мѣстѣ нѣтъ никакого резона; я бросился съ нѣкоторыми къ окошку, къ единственному спасенію своей жизни; но желѣзная рѣшетка не позволяла намъ выскочить; нѣкоторые старались оную выломать, но стараніе ихъ осталось тщетнымъ; что дѣлать и куда дѣться? однакожъ одному тончоватому удалось пролѣзть сквозь рѣшетку; подобные ему послѣдовали за нимъ, а которые нѣсколько потучнѣе, сунувъ голову, но не лѣзетъ, принуждены были остаться тутъ (объ участи коихъ никому и неизвѣстно). Я также въ свою очередь продрался къ окошку, чтобъ испытать послѣднее средство къ спасенію, и къ сча-

стію, хотя съ крайнею нуждою, но пролѣзъ, оборвавъ пуговицы у сюртука, соскочивъ на стѣну, съ стѣны на валъ, съ валу на землю, всего летѣлъ сажень до восьми—и отъ этихъ трехъ прыжковъ такъ отбилъ себѣ ноги, что насилу могъ встать. Тутъ попался мнѣ одинъ Московскій купецъ, который также за мною прыгалъ, но, будучи поздоровѣе меня, помогъ мнѣ подняться съ земли; я прошу его, чтобъ онъ не оставилъ меня; онъ столь добродушенъ, что, взявъ за руку, повелъ, помогая идти; но куда же еще идти? Французы вездѣ заняли дороги; съ лѣвой стороны Никитскую улицу Французская колонна занимаетъ, съ правой по Тверской другая тоже занимаетъ; что дѣлать и куда спастись? противу Арсенала желѣзные ряды; мы туда потихоньку пробрались и зашли во внутренность ряда; тутъ былъ пустой трактиръ, мы въ него и спрятались было, но, пробывъ четверть часа и отдохнувъ, товарищъ мой, который не оставлялъ меня, сказалъ, что намъ въ этомъ мѣстѣ худое спасеніе, и мы опять вышли изъ онаго въ переулочекъ ряда, гдѣ набралось народу довольно; побродивши взадъ и впередъ, не знали, какъ изъ онаго выбраться; бывши въ такой нерѣшимости, вдругъ въѣхалъ къ намъ Французскій офицеръ и одинъ, безъ обнаженной сабли, но, увидавши насъ въ довольномъ числѣ и всѣхъ вооруженныхъ, у кого ружье, у другаго сабля, а у инаго пистолеты, и самъ обнажилъ саблю и закричалъ: але! т. е. чтобъ мы бросили оружіе и выходили на большую улицу; мы съ товарищемъ, видя, что дѣло худое, завернулись въ маленькой проходъ изъ этого ряда на улицу; я подбѣжалъ къ уголку и, выглядывая изъ-за онаго, вижу, что одна колонна, проходя по Тверской, оканчивалась; кликнувъ товарища, рѣшились перебѣжать чрезъ дорогу; но только что вышли на половину дороги, видимъ другую колонну, вступающую въ Воскресенскіе ворота, а передъ нею везутъ двѣ пушки; что дѣлать? воротиться уже было

поздно, итакъ пустились на власть Божію потихоньку, чтобъ не подать подозрѣнія и перешли чрезъ дорогу, боясь оглянуться; въ этомъ мѣстѣ я бросилъ и саблю, чтобъ не увидали, а если бы это случилось, что увидѣли у меня оружіе, то не упустили бы изъ виду и непремѣнно бы застрѣлили; притомъ же мы были такъ отъ нихъ близки, что довольно одного пистолетнаго выстрѣла положить насъ на мѣстѣ; итакъ, пробираясь потихоньку по Трубѣ къ яблочному ряду, завернулись изъ виду за оной. Тутъ опросилъ меня мой товарищъ: куда вамъ надобно пробраться? я говорю, что на Ильинку въ Ипатьевской переулокъ; а мнѣ, сказалъ онъ, надобно на Солянку въ домъ Коммерческой Академіи (ибо онъ наканунѣ только переѣхалъ въ оной съ семействомъ и имѣніемъ для безопасности). Я этому былъ очень радъ, что намъ обоимъ была дорога одна и Академія была недалеко отъ моей квартиры и раздѣляли только Варварскіе ворота; итакъ, выбравшись изъ виду у Французовъ, несмотря, что ноги насилу несли, пустились уже бѣгомъ, пробѣжали Никольскіе и Ильинскіе ворота, стали подходить къ Академіи, гдѣ намъ должно было разстаться, и, лишь только дошли до угла, Французская конница вступаетъ въ Варварскіе ворота намъ навстрѣчу; какой страхъ! и какъ пройти мнѣ до квартиры! товарищъ мой сказалъ: „вамъ теперь никоимъ образомъ туда идти нельзя, не подвергши жизнь свою опасности,“ и предложилъ мнѣ съ собою идти въ Академію; я былъ очень доволенъ его приглашеніемъ и радъ что нашелъ такое прибѣжище въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пришедъ въ оную, говоримъ, что Французъ вступилъ въ Москву и засталъ насъ въ Арсеналѣ и какимъ образомъ спаслись, но намъ не хотѣли вѣрить, а говорили, что это шла наша Армія; но, вышедъ на дворъ, увѣрились въ истинѣ нашихъ словъ, увидя, какъ проходила Французская Армія съ обнаженными саблями,

и бывши очевидными зрителями, какъ одного русскаго солдата изрубили на улицѣ противъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Куличкахъ; итакъ, мы, избавившись отъ одной опасности, ожидали слѣдующей, не зная, что съ нами послѣдуетъ; наконецъ, всѣ улицы и переулки были заняты Французами, и поставлены на каждомъ перекресткѣ караулы; тутъ начали они скакать взадъ и впередъ, дѣлая саблями разныя движенія, что приводило насъ въ пущій страхъ; въ сумерки зажгли въ городѣ ряды и еще во многихъ мѣстахъ по Москвѣ; въ полночь всѣ пустились на грабежъ; во второмъ часу и къ намъ пожаловали 5 человѣкъ съ 10 лошадьми; остановившись на дворѣ и разложивъ огонь, пришли къ дверямъ, зачали стучать; но, видя, что долго не отпираютъ, изломали двери и пожаловали въ покои, сначала стали просить изъ съѣстного: хлѣба, масла, яицъ, сыра, вина и для лошадей сѣна, и какъ все это было выполнено, зачали варить себѣ ужинъ; поѣвши, двоихъ оставили у лошадей, а трое пошли по комнатамъ, начали обыскивать съ ногъ до головы и ломать кладовыя и сундуки, которое получше и полегче брали, а прочее бросали; со мною было только ассигнаціями 75 руб. (а прочія оставались на квартирѣ), да серебромъ рублей 30; ассигнаціи до ихъ приходу, когда еще начали стучаться, отдалъ я дворецкому, чтобъ съ ихъ деньгами спрятать, и онѣ были спрятаны подъ кирпичи, а серебро оставилъ при себѣ, опасаясь, чтобъ не стали мучить. Обобравши прочихъ, дошла очередь и до меня, начали раба Божія повертывать по своему, въ минуту вышарили во всѣхъ карманахъ, и серебро мое очутилось въ рукахъ французовъ! еще былъ у меня въ карманѣ перочинный англійскій ножичекъ, купленный у Макарія, за который заплатилъ 12 руб., и тотъ отняли, мнѣ его жалко было, я сталъ было его просить пантоминами себѣ, но вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и замахнулся на меня, бранясь по своему,

я принужденъ замолчать и осторониться, думая: пропадай ты, проклятое творенье, и съ ножичкомъ; напослѣдокъ, видя, что нечего больше взять, ушли на дворъ и тутъ пробыли до разсвѣта; послѣ ихъ, поперемѣнно, одни за другими, зачали къ намъ ходить и рыться по кладовымъ и въ сундукахъ; такимъ образомъ, мы не знали ни дня, ни ночи покоя до среды; и не спали ни на волосъ; въ этотъ день, въ 5 часовъ пополудни, зажгли во всѣхъ мѣстахъ Москву; въ одно время вездѣ запылало, за нами, передъ нами и со всѣхъ сторонъ такъ, что едва-едва пробрались сквозь пламя къ Воспитательному Дому, задыхаясь отъ дыму; тутъ экономскій сынъ, знакомый моимъ товарищамъ, насъ пригласилъ или, лучше сказать, велѣлъ идти къ себѣ въ комнаты; мы, оставя тутъ своихъ женщинъ и дѣтей, сами пошли съ прочими отстаивать домъ, который былъ въ величайшей опасности; какая ужасная картина представилась въ эту ночь! всѣ почитали, что это преставленіе свѣта; къ тому же поднялась такая жестокая буря, которая срывала съ домовъ крыши съ огнемъ и уносила на нѣкоторое пространство; а отъ жары и дыма стоять было нельзя; всѣ почитали, что намъ не спастись тутъ, а выйти некуда, кругомъ въ огнѣ; даже и къ Москвѣ рѣкѣ приступиться было нельзя, по причинѣ, что противъ Воспитательнаго Дома стояло много барокъ съ хлѣбомъ, которыя также всѣ пылали; наконецъ, на другой день, утромъ, погода стала затихать, и опасность мало по малу начала уменьшаться, намъ погорѣвшимъ (такъ называли насъ и всѣхъ, у коихъ дома сгорѣли) отвели комнату во второмъ этажѣ— въ такъ называемой деревенской экспедиціи, гдѣ насъ было человѣкъ до 40.—Въ пятницу, когда все прогорѣло, а только что курилось, пошли мы въ Академію посмотрѣть и не найдемъ ли что изъ съѣстного припаса, ибо съ самаго выхода изъ оной куска хлѣба не было во рту; къ счастію, кладовая съ прови-

зіею осталась цѣла, потому что была со сводами; взяли муки, масла постнаго, крупы и еще кое-чего оставшагося изъ платья, а деньги спрятанныя стали было искать, но не тутъ то было, ихъ какой-то добрый человѣкъ прежде насъ вырылъ; взявъ всякій по ношѣ, пошли въ Воспитательный Домъ; но лишь перешли большую улицу и только вступили въ переулокъ, откуда ни взялись шестеро Французовъ; остановивъ насъ, начали раздѣвать и обыскивать; ко мнѣ подошли четверо и въ одно время начали скидывать, кто сюртукъ, галстукъ, другой панталоны, третій сапогъ, четвертый другой и растянули такъ, что я во время ихъ занятія около меня не дотрагивался до земли, а носили или, лучше сказать, таскали на рукахъ, таща каждый въ свою сторону. Напослѣдокъ опустили, оставя меня въ одной только рубашкѣ; опамятовавшись немного, сказалъ одному изъ нихъ: мусье! какъ пойду? и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, но онъ вмѣсто отвѣта выхватилъ саблю и сдѣлалъ махъ, я отсторонился, и махъ миновалъ меня на четверть, я тутъ такъ и обмеръ; послѣ меня зачали такимъ же образомъ поступать и съ другими моими товарищами; я, опамятовавшись нѣсколько, стоялъ, какъ изступленный, въ одной рубашкѣ и смотрѣлъ, какъ съ прочими управлялись; между ними замѣтилъ одного нѣсколько человѣколюбивѣе, я подошелъ къ нему и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, черезъ что далъ ему понять, что мнѣ нельзя идти въ одной рубашкѣ; онъ, понявъ мои пантомины, бросилъ мнѣ на плеча шубу, которую отнялъ у одного изъ моихъ товарищей; итакъ, обобравъ насъ кругомъ, ушли, оставя намъ крупу и масло постное, котораго они не любятъ, но мы и этому были рады и что самихъ Богъ спасъ отъ смерти;—и этимъ хлѣбомъ питались цѣлую недѣлю; потомъ генералъ Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ, начальникъ Воспитательнаго Дома, собравъ насъ всѣхъ, сколько было

тутъ, и попросивъ Французскаго полковника, чтобы отпустить съ нами одного жандарма въ провожатые, дабы не могли насъ ограбить шатающіеся по улицамъ Французы, послалъ за Москву рѣку въ лабазы за горѣлою пшеницею для нашего пропитанія; что дѣлать? хоть и не такъ вкусно, да дѣлать нечего, что нибудь надобно ѣсть, и мы натаскали, каждый для себя, сколько могъ, а къ лабазамъ, гдѣ была мука, поставлены были Французскіе часовые, и намъ ни крошки не давали; и мы во все пребываніе Французовъ питались хлѣбомъ пополамъ съ горѣлою пшеницею, рыбою, икрою, которую таскали съ соляного двора, картофелемъ и морковью, за которою ходили за заставу, и если пойдемъ съ жандармами, то принесемъ домой, они не давали насъ въ обиду прочимъ, а если безъ нихъ, то все отнимутъ, да и самого подъ ношу запрягутъ, заставятъ что-нибудь нести за собою, и такое было мученіе, что сказать нельзя;—нельзя было выдти даже изъ воротъ Воспитательнаго Дома; какъ вышелъ, то и оберутъ, да подъ ношу, а внутри Дома не смѣли тронуть, потому что Иванъ Акинѳіевичъ, еще какъ взошли Французы, то ходилъ къ Наполеону и исходатайствовалъ для всего Дома Французскій караулъ; Наполеонъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ къ нему, и велѣлъ отрядить человѣкъ до 50 жандармовъ для охраненія Дома и увѣрилъ, что Воспитательный Домъ будетъ невредимъ, что-бы ни послѣдовало съ Москвою, и сдержалъ свое слово: только одно было притѣсненіе, что велѣно очистить половину квадрата, гдѣ у нихъ была (?), да еще въ окружномъ строеніи госпиталь; туда каждый день привозили раненыхъ и даже всѣ комнаты были набиты оными; и мы, привыкши нѣсколько, ходили по близости Дома, только боялись проклятыхъ ихъ ношей, а съ насъ уже нечего имъ было взять, — кто босикомъ, другой въ оборванномъ платьѣ и лаптяхъ, даже чиновники и первогильдейцы, оставшіеся

въ Москвѣ, ходили въ лапоткахъ!—1-ое число октября напугало насъ всѣхъ; сказали (не знаю, съ чего это взяли), что съ этого числа будетъ Наполеонъ набирать изъ насъ къ себѣ въ полки, что встревожило весь народъ, и мы не знали куда дѣваться: бѣжать если, то, можетъ быть, попадешься на разъѣздъ или пикетъ Французской, которые либо отправляли обратно въ Москву, либо умерщвляли; но мы, положась на власть Божію, остались на произволъ судьбѣ; чему быть, того не миновать.—Однако 1-ое число прошло благополучно и 2-ое также, и мы успокоились, не зная, что впредь съ нами послѣдуетъ,—наконецъ, 7-го ч. жандармы наши вдругъ собрались и въ полдень уѣхали, а на мѣсто ихъ пришла пѣхотная гвардія; послѣ жандармовъ начали вывозить раненыхъ изъ дому, а 10-го ч. къ вечеру караулы всѣ были сняты у Воспитательнаго Дома и куда убрались—не знаемъ; въ этотъ вечеръ всѣмъ намъ былъ приказъ отъ Г. Тутолмина, чтобъ никто во всю ночь не спалъ, а были-бъ въ предосторожности, ибо намъ извѣстно было (да я и самъ видѣлъ), какъ копали рвы около стѣнъ, что съ Кремлемъ должно быть чему нибудь. Я съ вечера, походивъ довольно около дома, пришелъ къ себѣ въ комнату; поужинавъ, хотѣлъ было опять идти на дворъ, но такой сонъ навалился на меня, что какъ легъ, такъ и уснулъ; въ 11 часовъ меня разбудили, чтобъ посмотрѣть, какъ въ Кремлѣ дворецъ загорѣлся; я, вставъ, пошелъ въ корридоръ и смотрѣлъ въ окошко, какъ пылалъ дворецъ; черезъ часъ дошелъ огонь и до Грановитой Палаты; мнѣ показалось, что изъ этого окошка не такъ видно, пошелъ въ третій этажъ, подошелъ, къ окну, смотрѣлъ, какъ внутренность Грановитой Палаты выгорала; вдругъ въ правой сторонѣ сдѣлалось большое освѣщеніе, и въ то же мгновеніе послѣдовалъ такой жестокій ударъ, что стоявшіе за мною попадали на полъ, а меня какимъ-то самымъ горячимъ

духомъ отбросило отъ окошка, и я чрезъ упавшихъ и самъ уже перевернулся, бывши какъ ровно опаленъ и оглушенъ; я сначала думалъ, что изъ-за Воспитательнаго Дома начали изъ пушекъ стрѣлять въ насъ, но каковъ былъ ударъ, совсѣмъ не походилъ на пушечный; опомнясь немного, вскочилъ, бросился внизъ по лѣстницѣ, прибѣгаю въ свои покои, вижу всѣхъ въ равномъ-же страхѣ; наконецъ, увѣрились, что это взорвало въ Кремлѣ Арсеналъ; тутъ стали ожидать вторичныхъ ударовъ, я пошелъ на дворъ, походилъ съ народомъ, опять пошелъ въ корридоръ второго этажа къ окошку и лишь только что подошелъ къ нему, какъ вдругъ опять сдѣлалось освѣщеніе и съ лѣвой стороны; я бросился опрометью отъ окошка и не успѣлъ отбѣжать двухъ саженъ, какъ и ударъ послѣдовалъ, равный первому; прибѣжавъ въ комнату, насилу опомнился; наши всѣ собрались къ выходу изъ дома, а, собравшись, вышли на парадное крыльцо, гдѣ собралось человѣкъ до 100. Но Г. Тутолминъ приказалъ, чтобъ всѣ шли по своимъ комнатамъ и не выходили, а я пошелъ на площадку двора и стоялъ съ прочими туда вышедшими,—вдругъ въ третій разъ освѣтило и ударъ въ одну секунду за онымъ послѣдовалъ; мы всѣ, какъ варомъ поварены, повалились на землю; и не успѣли встать, какъ четвертый, а чрезъ секунду и пятый разъ послѣдовали въ одинъ разъ; въ это время пошелъ очень порядочной дождикъ; я пошелъ въ комнату, гдѣ нашелъ всѣхъ въ величайшемъ страхѣ; притомъ-же и о себѣ думали, что можетъ быть, какъ и подъ Воспитательный Домъ подкачено нѣсколько бочекъ, то и насъ на воздухъ подыметъ; а на меня такой сонъ опять навалился, что гдѣ ни хожу или присяду, такъ и клонитъ. Вышедши изъ терпѣнія, помолился Богу, легъ съ тѣми мыслями: что ни случится, такъ тому и быть, и проспалъ до самаго утра, не слыхавъ ничего; вставъ, спрашиваю: что было послѣ

того, какъ я уснулъ? мнѣ сказываютъ, что, слава Богу, ничего не было; и только 5-ю ударами и кончилось; однако, все еще боялись, чтобъ не было еще подрывовъ; бывши въ такомъ страхѣ, пошли мы на набережную, и вообразите, каковы были удары! даже въ Москвѣ рѣкѣ вода сдѣлалась какъ молоко бѣлая и пахла порохомъ и сѣрою, рыба плыла по поверхности воды уже сонная! и вода такъ была противна, что въ ротъ нельзя было взять, и таковою была сутки. Тутъ появились наши казаки, какъ мы имъ обрадовались! и народъ, бывши слишкомъ мѣсяцъ, какъ заключенные, вышли и пустились по всѣмъ улицамъ; я пошелъ кругомъ Кремля, осмотрѣлъ взорванныя мѣста, и точно Арсеналъ, угольная башня, что къ Каменному мосту, двѣ башенки съ набережной и часть Ивана Великаго или придѣлъ, гдѣ висѣлъ большой колоколъ съ двумя посредственными, были взорваны на воздухъ, а самъ Иванъ Великій и всѣ соборы цѣлы;—чернь-же, несмотря на очевидную опасность, пустилась въ Кремль для добычи, оставленной Французами, но казаки вступили въ Москву, заняли всѣ мѣста кругомъ Кремля и не пускали никого (да и теперь еще никого туда не пускаютъ). Занявъ оный по повелѣнію казачьяго генерала 4-го Иловайскаго, велѣно казакамъ осмотрѣть вездѣ, которые выкатили изъ разныхъ мѣстъ Кремля слишкомъ 60 бочекъ съ порохомъ, которыя не имѣли своего дѣйствія отъ шедшаго въ это время дождя и чрезъ потрясенія отъ ударовъ земли, замочило и засыпало землею подведенныя одна къ другой нити съ порохомъ, и чрезъ это Богъ спасъ остатокъ Кремля. Послѣ таковаго происшествія, народъ какъ снова переродился; получа свободу, разсыпался по всей Москвѣ; потомъ пріѣхала и полиція, изъ разныхъ городовъ и мѣстъ купцы; теперь опять возобновлены рынки, гдѣ продаютъ всякую провизію.—Но что касается до вида Москвы, то оной ни на что не походитъ,

и болѣе ничего не увидите, какъ обрушившіяся зданія и обгорѣвшія трубы; я думаю, что и десятой части не осталось цѣлой,—куда ни пойдешь и посмотришь, одинъ ужасъ только беретъ; храмовъ Божіихъ также самая малая часть осталась, въ коихъ можно производить службу; а прочіе либо сгорѣли до основанія, либо Французами осквернены; вообразите себѣ! какую мерзость они въ оныхъ не дѣлали? сами какъ свиньи жили въ алтаряхъ, а во многихъ лошадей ставили вмѣсто конюшенъ;—да что они дѣлали, никакъ нельзя описать, изъ женскихъ монастырей многихъ монахинь съ собою вездѣ таскали, да и вообразить нельзя, что только дѣлали.

Оглавленіе.

Стран.

Стран.

